

Школа злого

ШУТЫ У ТРОНА

ЕЛЕНА ЧУДИНОВА

Елена Петровна Чудинова
Шуты у трона
Серия «Школа злословия»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16385024
Шуты у трона: Алгоритм; Москва; 2008
ISBN 978-5-9265-0544-0

Аннотация

Любую власть окружают льстецы и подпевалы. Они всегда говорят только то, что хочет услышать сидящий на троне. Что платье короля превосходно, что иммигранты из стран Азии и Закавказья нужны стране, как воздух, что жалобы народы – это ксенофобия и фашизм, и что если бы не эти недоразумения, государство можно считать филиалом рая, нерушимым и вечным. Но однажды приходит время, когда через головы шутов кто-то прозревший кричит: «А король-то голый!»... И тогда начинается то, что не берется описать ни одна сказка... Книга знаменитой писательницы Елены Чудиновой, автора романа «Мечеть Парижской Богоматери», помогает открыть глаза на многие явления современной действительности и показывает в истинном свете действия сателлитов сегодняшней российской власти.

Содержание

От автора	5
Об исторической вине Балтии перед Россией	6
«И люди, стрелявшие в наших отцов, строят планы на наших детей»	12
Рифы имперской консолидации	15
Одиноким философ подыскивает себе диктатора...	20
Раздвоение ВВП	25
Марш древлемосковитов, или Евразия воюет с Океанией	29
Возвращение к корням	33
Десятые сутки пылает столица	37
«Полумесячный» поход	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Елена Петровна Чудинова

Шуты у трона

© Чудинова Е. П., 2008

© ООО «Алгоритм-Книга», 2008

От автора

Какой должна быть Россия – «красной» или «белой»? Возможна ли «розовая» середина? Нужны ли мигранты из Средней Азии российской экономике? Что такое «ксенофобия» и есть ли она в России? Что происходит сегодня с нашей литературой – и наша ли она? В какие тупики увлекают нас те, кому ненавистна сильная Россия?

На эти вопросы я пытаюсь найти ответ на страницах сборника «Бремя белых».

Я не состою ни в каких политических партиях, движениях, течениях... Мне можно верить, потому что я не политик. Я прошла через те же годы нищеты, что и все; меня, как и всех, раздели ельцинские реформы, но я была, словами великого поэта, «с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был».

Либертинцы и общечеловеки ненавидят во мне христианку и подданную былой Российской империи. Для них я – певец «тюрьмы народов» и апологет «средневекового мракобесия с инквизицией». Те, кого принято сегодня называть патриотами, злобятся на мой европоцентризм. Для них я – «агент» Ватикана и вообще недобитая на Чудском озере тевтонка. И я горжусь и тем и этим, потому что за каждую букву своего повествования отвечаю не головой, а совестью.

В сборнике «Бремя белых» собраны статьи, выходившие в «Независимой», (той, что была при Третьякове), в «Главной теме» Михаила Леонтьева, в «Эксперте», и в аналитическом еженедельнике «Наше время».

Мы не стали выстраивать их по хронологии и, думается, поступили верно. Времена меняются, а русские беды остаются все те же.

Об исторической вине Балтии перед Россией

Мы, русские, конечно, не злопамятны. Хорошее качество, возразить нечего. Незлопамятностью своей мы показываем миру, что душа нашего народа остается христианкой¹, даже если сам народ погряз в атеизме или языческих суевериях, что сейчас, увы, еще как имеет быть. Однако весьма важно видеть черту, за которой незлопамятность переходит в иное свое качество – в беспамятство. А это уже – никакая не добродетель. Не успели лидеры Эстонии и Литвы сорвать все аплодисменты своих граждан – ветеранов фашизма неприездом на наш оккупантский праздник, как, видимо, испугавшись соседских попреков, вновь показала себя Латвия. Маленькая, но гордая страна решила выкатить нам счет за «оккупацию», раз эдак в пятьдесят превышающий ее собственный годовой бюджет. Впрочем, точной цифры еще не названо, пока лишь приблизительные подсчеты. Каким бы анекдотом казались нам такие расчеты и подсчеты, имей мы хоть чуточку больше исторической памяти.

В ходе подготовки празднования юбилея в СМИ неоднократно поднималась тема зверств тех самых фашистских ветеранов, что разгуливают сейчас в наградах Третьего рейха там, где за ношение наград победителей фашизма стариков избивают и тащат в полицейские участки. Много говорилось и о двойных стандартах, о том, как, громогласно отшлепав юного принца Уильяма за маскарадное появление со свастикой на рукаве, Евросоюз закрывает глаза на отнюдь не маскарадные, с участием официальных представителей власти, шествия нацистских катов. Хорошо, что это все было озвучено. Крайне горько, что вовсе не было сказано о фактах, случившихся всего-то на пару десятилетий раньше – в историческом отношении срок ничтожный.

Эстонская журналистка задала нашему президенту вопрос: отчего-де вы, русские, не повинитесь² за оккупацию, чтобы нам, значит, жить дальше дружно? Президент отослал «прекрасно говорящую по-русски» особу к документам пятнадцатилетней давности. Но даже этот достойный ответ является в своем роде игрой в поддавки.

Вот к Эстонии мы сейчас и оборотимся. (О Латвии, впрочем, речь еще впереди...) Сколь ни странно сие звучит для ее граждан, у них были (подумать только!) свои собственные коммунисты, да еще такие отмороженные, что без нашей Северо-Западной армии эстонцам не оборонить бы в январе 1919 года Ревель от Эстляндской Трудовой коммуны. Но то было в январе. Покуда в Эстонии буянили в рассуждении чего-нибудь поэкспроприировать свои доморощенные экспроприаторы, отношения между СЗА, что базировалась на эстонской территории, и эстонцами были вполне терпимыми. Хотя и не братскими, что понятно. Эстония хотела от СЗА не только военного сотрудничества, но и гарантий независимости, однако с какой стати военное командование могло счесть себя уполномоченным раздавать земли из-под короны? Наше дело боевое, красных вышибем, тогда пусть эстонцы с легитимным правительством свои вопросы и решают. Ах, северо-западники, знать бы! Соврать бы, наобещать бы, а потом фиг! Сколько жизней было бы спасено! Но вы были русские офицеры, люди чести. Не смогли бы обмануть, даже знай все наперед.

Эстонцы выжидали возможности ударить ножом в спину до осени 1919 года, до чуть-чуть не удавшегося наступления СЗА на Петроград. Отступление, как подмечают историки, отнюдь не было катастрофой. Армии нужно было всего лишь отдохнуть, перегруппировать силы, да заодно вывести в безопасные места около 40 000 гражданских беженцев: говоря не казенным языком, своих жен, детей, сестер, престарелых родителей, – всех, кому непо-

¹ О том, что «душа человека от природы христианка», сказал Блаженный Августин.

² Через несколько дней выяснилось, что означает «попросить прощения» по-прибалтийски: посадить несчастных жертв себе на шею и кормить двадцать лет. А дальше они еще чего-нибудь выкатят.

средственно грозил красный террор. Армия отступала с тяжелыми боями, неся потери, но и ослабляя красных. И тут вдруг северо-западникам начинают перекрывать доступ к собственным тылам и складам – переход через реку Нарову. Не надо вам сейчас переправляться, обороняйте от красных Нарву! Да хоть беженцев-то примите, мы уж обороним! Примем, примем – только сперва красных отбросьте подальше! Беженцы спят на снегу, дети и больные умирают от холода, в лагере, который и лагерем-то трудно назвать, начинается эпидемия тифа.

Седьмая армия красных по приказу Троцкого трижды атакует Нарву, и трижды ее отбрасывают от города северо-западники. Они не знают, что эстонцы, за спинами своих защитников, готовят преступный сговор с красными, который позже войдет в советские учебники как «Тартуский мирный договор между РСФСР и Эстонией» начала 1920 г. Чем больше крови прольют русские за Нарву, тем выгоднее будет для эстонцев предательство. Сговор начинается 5 декабря, последняя безуспешная попытка красных форсировать Нарову происходит 17 декабря. После того Чичерин дает из Москвы команду советским делегатам идти на территориальные уступки Эстонии – отдать изрядный кусок Псковщины и Принаровья с 60 000 русского населения в привесок, как продают крепостных. Эти-то земли свободлюбивые эстонцы в недавних 90-х годах пытались обратно выцыганить у России, с ними, как с эстонскими, они в 90-х же годах уже печатали школьные карты³.

Красные нападать перестали, но, конечно, никуда не делись. Куда было податься белым защитникам Эстонии? Через Нарову. Но на другом берегу их ничего не ждало – их имущество, 1000 вагонов с провизией, одеждой, медикаментами, боеприпасами, личными вещами офицеров – все оказалось экспроприровано вчерашним союзником генералом Лайдонером в пользу новорожденной Эстонской республики. За Наровой северо-западников обезоруживали, отбирали у них хорошие шинели, срывали с груди золотые нательные кресты. Могли ли они сопротивляться? Увы, при них были заложники – женщины и дети.

Как указывает К. Виноградов (*Как погибала Белая Армия. Русский вестник, 1993. № 27*), по свидетельству чудом уцелевшего офицера Кузьмина, Талабский полк, проявивший особый героизм при обороне Нарвы, попал в реке под пулеметный огонь с двух берегов – в спину стреляли красные, в лицо – эстонцы. Стыдно им не было. Им и сейчас не стыдно. «Но большевики же уступили нам территории и дали независимость, – возражали они мне в не очень давних спорах. – Мы – маленький народ, мы должны были искать выгоды для себя». Прекрасно, дорогие мои маленькие друзья, говорила я тогда и говорю вновь. Вы успешно применили принцип зоны: сдохни ты сегодня, а я – завтра. Переходя на образность детских сказок, раз уж вы такие маленькие, вы сказали людоеду – съешь не меня, а его! Но, маленькие мои друзья, вы не учли одного обстоятельства. С людоедом нельзя договориться надолго. Вы подкормили коммунизм. Он подрос. Через двадцать лет он захотел скушать и вас, а подставить взамен было уже некого. Так **кому** перед вами извиняться?! **Кто** вас оккупировал?! **Вы сами себя оккупировали** за двадцать лет до оккупации, когда сдирали с нас, ваших защитников, сапоги и обручальные кольца!

Вы сами себя оккупировали, когда с немецкой аккуратностью (не спорю, немцы сумели привить вам эту черту) выполняли все пункты преступного сговора с большевиками. От СЗА ничего не должно было остаться – ничего и не осталось. Ведь, кроме земель, вам еще кое-что дали – 15 миллионов золотом. Вы можете объяснить, за что? За русскую кровь. Обезоруженные, ограбленные северо-западники не имели права передвижения по республике, закрепощались на принудительные работы в сланцевых копях, сгонялись в концентраци-

³ «Но они же не ваши, – доказывала я тогда одному эстонцу. – Они исторически вообще никогда не были вашими, эти земли!» – «Зато есть мнения, что в доисторическую эпоху на них обитали племена эстов», – безмятежно возразил тот. Вот так будем справедливость наводить, по доисторической эпохе.

онные лагеря, такие, как Пяэскюла. Принимать русских офицеров на работу запрещалось под угрозой штрафа. В Эстонии не давали прокормиться, но и покинуть ее не давали тоже. Убийство русского офицера не всегда каралось даже штрафом.

Само собою, все это делалось с оглядкой, всегдашней оглядкой на очередного «большого брата». Позже это был Гитлер, тогда – АНТАНТА, в первую голову – Великобритания. Впрочем, предательство союзников – разговор особый, и слишком увел бы нас сейчас в сторону.

Эстонцы, если б вы соблюдали союзнические договоренности, конечно, вам никто не преподнес бы «незалежности». Но зато двадцать лет спустя вы и в Сибирь бы не покатили в вагонах для скота. Глядишь, лет через пятьдесят вы бы и «незалежность» выцыганили – каким-нибудь цивилизованным и нудным референдумом. Но и без «незалежности» и без сибирской ссылки – вариант тоже не самый плохой. А главное – порядочный человек может договариваться о чем бы то ни было только с легитимной властью. Вам некого винить. А вот мы должны в конце концов обвинить вас – за Петроград, который, скорей всего, был бы взят, если бы Эстония выполнила союзнические обязательства, за гибель СЗА, за повернувший не туда ход войны, за советскую власть, наконец.

Советская власть, возразят мне, установилась не только благодаря поражению белой армии на Северо-Западном фронте. Правильно. Вот тут-то и пора вспомнить о Латвии.

С момента Октябрьского переворота латышские стрелки приняли сторону большевиков. В январе 1918 года в Белоруссии генерал И. Р. Довбор-Мусницкий поднял вверенные ему Временным правительством части (1-й Польский корпус легионеров) против узурпаторов. На подавление восстания были брошены латышские стрелки под командованием И. Лацетиса и красные матросы. Ну да ладно, Бог с ним, с Довбор-Мусницким, он все же имел свои, сомнительные для русского генерала интересы. Вот восстание генерала А. М. Каледина в конце 1917 года для нас существеннее. Ростов-на-Дону брали латышские стрелки. Как указывает А. Жуков («Нац. газета», 1997. № 3), по взятии города латышами были расстреляны даже все добровольцы-подростки из гимназистов и семинаристов – с четырнадцати лет!

По определению опять же А. Жукова, «именно латыши явились основной силой» осенью 1919 года при разгроме войск генерала А. И. Деникина. Замечу, что особенно отличился при операции некий комиссар Карл Дозит, «из семьи батрака». Это клише – «из семьи батрака» – почти непременно сопровождает на страницах советской энциклопедии по Гражданской войне любое латышское имя. Небезынтересный нюанс, к которому мы еще вернемся.

Латыши штурмовали Перекоп и, уже в качестве «расстрельных отрядов», зверствовали в Крыму.

Летом 1918 года латышские стрелки участвовали в подавлении бунтов крестьян против реквизиций хлеба в Саратовской, Псковской, Новгородской губерниях. Мы, в большом своем количестве потомки крестьян, даем ли себе сегодня труд понимать, что значили эти «хлебные бунты»? Красные предоставляли крестьянам свободный выбор – умирать с семьей от голода или от латышской пули. Каждое такое подавление мятежа – десятки тысяч убитых. **Всякая антинародная власть опирается в первую очередь не на собственных граждан, а на иноземных наймитов**, о чем говорит даже состав опричнины Ивана Грозного. «Братоубийственность» нашей Гражданской войны изрядно преувеличена.

Долго даже перечислять, но едва ль было бы преувеличением сказать, что латышские стрелки внесли свою «скромную» лепту в победу коммунизма на всех фронтах той войны. 40 тысяч их было, латышских стрелков, по всему театру военных действий. Первым командующим Красной армии был И. Вацетис.

Особая страница истории – участие латышей в большевистских карательных органах. В ВЧК борьбой с «контрреволюцией» занимался И. Лацис (Ян Судрабс), позже председательствующий в Военном трибунале. Латыш, «из семьи батрака». В ЧеКе на 1919 год три четверти составляли латыши! Думается, из оставшейся четверти треть придется на евреев, из тех, что хотели преодолеть такие неприятные, но отнюдь не людоедские карьерные преграды, как черта оседлости, в один присест – хотя бы и людоедскими методами. Так что ж, я утверждаю, что в чекистах времен революции не было русских⁴? Почему же не было, как раз треть из четверти и выходит. Любопытен, кстати, профессиональный состав будущих русских чекистов. Среди них практически либо абсолютно не было квалифицированных рабочих, того пролетариата, что являлся в этом самом пролетариате белой костью. Только чернорабочие, но и их единицы. Большинство были – половые из трактира, извозчики, портные, гостиничные лакеи и т. д. и т. п. Те, что привыкли кланяться, сжавши в ладони медяки чаевых. Наблюдение не совсем в сторону, оно нам еще здесь пригодится.

Я. Петерс, зампред ВЧК, возглавлял в 1921 году в Ташкенте процесс против светила нашей медицинской науки – В. Ф. Войно-Ясенецкого (архиепископа Луки). («Что же это Вы, Войно-Ясенецкий, днем в больнице людей режете, а по вечерам псалмы распеваете?» – «Я людей режу из человеколюбия, а вот вы – ИЗ ЧЕГО?»)

Да разве их всех тут перечислишь, всех этих Берзеней (три штуки, и все в командирах-комиссарах), Лудри, Лонгва, Ленцманисов («из семьи батрака»)?

Впрочем, едва ли мы знаем, откуда они, латышские стрелки, собственно, взялись – не саранчой же с неба за наши грехи? Отнюдь. Что самое курьезное, возникновению латышских национальных частей в Первую мировую мы обязаны ненависти латышей... к немцам. Остзейские немцы, конечно, были не самой мягкой частью землевладельцев. Не зря же русская литература доносит поговорки, наподобие «хуже, чем пойти в латыши к остзейскому немцу», то есть – хуже почти не бывает. Однако ж все средневековые архитектурные памятники Латвии, равно как и Эстонии, возведены немцами. (Помню надгробия в Домском соборе в Ревеле – Крузенштерн, Крузенштерн и еще раз Крузенштерн...) Вот сейчас я скажу неpolitкорректность (все предыдущее таковой даже не является, это всего лишь правда): всякие бывают народы, народ народу рознь. Народы, если можно так выразиться, положительной динамики, покоряясь более развитому народу-колонизатору, начинают опираться на его достижения при дальнейшем обретении своих. Бриттам и галлам римское завоевание пошло исключительно на пользу. Много пользы принесла британская колонизация Индии. Народы же отрицательной динамики затаивают злобу на цивилизованных хозяев⁵. Нет, дело тут не в жестокостях, не в том, что немцы заставляли латышей учиться в школах под онемеченными фамилиями! Смею уверить, и римляне не пришли к бриттам в венках из тех самых розочек, которых до завоевания в Британии не росло! Не самым вызывающим слезы новшеством были также репчатые луковицы, ох, не самым! И бритты XIX века умели лупить ленивых слуг стэком! Но ведь искоренили тугов-душителей, от которых стонала вся Индия, дороги провели опять же, женщин сжигать запретили, медицину дали!

Факт остается фактом: в 1915 году латыши охотно шли воевать против немцев в особые национальные свои формирования, чтоб сразу посчитаться за все – и за онемеченные фамилии школьников, и за сами школы!

⁴ Само собою, я говорю о составе ЧеКи революционной, а не НКВД. Анализ изменения национального состава карательных структур после Великой Отечественной никак не попадает здесь в область моих интересов.

⁵ О том, какие мы были хозяева, пишет американская журналистка Л. Селинская: «...С благословения русского Царя Александра II начали устраиваться ежегодные латышские и эстонские фестивали с выступлениями хоровых обществ, что в атмосфере германизации было побуждением к пробуждению национального самосознания, а открытие государственных школ при Александре III дало возможность получать образование, не отказываясь от своих национальных фамилий, к чему их принуждали в немецких школах».

Но дальше, как нам известно, «империалистическая война переросла в гражданскую», к полному и пламенному одобрению Второго съезда делегатов латышских стрелковых полков. Однако ж установить свои революционные порядки на родине не удалось – из Латвии стрелков повышибли опять же германцы. Ну и зачем с ними, с хорошо вооруженными, сражаться, когда можно установить советскую власть в России – ведь в ней коммунисты армию развалили, подвижники-добровольцы еще только подтягиваются на Дон. Вот уж потом, наведя ревпорядок в России, можно и немцев выгнать из Латвии – навалившись всем интернациональным кагалом. Примерно так и было сделано. И стали латыши жить свободно, без хозяев. Целых двадцать лет жили-не тужили, и вдруг подлые коммунисты их, обросших жирком и реквизированным скарбом, берут да оккупируют! Ну как тут, в самом деле, не возмутиться?

Закономерно и совершенно понятно, отчего германоненавистники⁶ первой половины XX столетия – эстонцы и латыши – кинулись на сей раз в батальоны СС. Потому что всегда плох и ненавистен тот хозяин, который есть **сейчас**. Хозяин, который может только стать таковым, да еще сулит какие-то пряники, да еще дает возможность поквитаться с хозяином прежним – хорош. Едва ли прибалты в самом деле верили, что немцы дадут им какую-то независимость – но роль надсмотрщиков над русскими уже была безмерно соблазнительна.

Эстонцы и латыши практически никогда не имели своей государственности, они всегда были под кем-то. Эти нации не имели своего дворянства. Поэтому качества, проявляемые ими всякий раз, когда они затевают очередную «независимость», убеждают нас, как ни странно, в том, что единственный правильный взгляд на мир – церковный. Мне доводилось слышать от католиков-традиционалистов об одной из установок католической Церкви, разумеется, Церкви дореформенной (о которой, конечно, никто и никогда из духовенства не сказал бы публично или письменно, но установка была). Ватикан по-разному относился к различным странам, со всеми вытекающими из этого отношения последствиями. Страну, имеющую историю христианской государственности, он считал страной с **законной властью**, страну же без таковой истории – страной с **фактической властью**. Это была не несправедливость, но инстинкт цивилизационного самосохранения, ныне нам стремительно отказывающийся. Получается, что с церковной христианской точки зрения такие страны, как Эстония и Латвия, просто нелегитимны⁷.

Казалось бы, ну какой смысл вообще об этом сейчас думать, во времена, когда дворянство вытеснено тельцекратической элитой, в демократические времена? Смысл есть. Нация, не имеющая **в прошлом** своем аристократии, похожа на человека, перемахнувшего во взрослый возраст сразу из детского, минуя отрочество. Какие-то связи у него в мозгу сложились неправильно. Именно в силу этого бессмысленно спорить с эстонцами и латышами, что-то им доказывать. Мои обращения к ним выше были всего лишь риторической фигурой. Эстонец и латыш в жизни, конечно, может быть человеком порядочным и справедливым, но в историческом плане говорить с ними на эти темы бесполезно.

Язык санкций, жесткая, безо всяких уступок, политика – вот единственный понятный для наших соседей язык. Нашей моральной опорой при этом должно быть хорошее знание нашего совместного прошлого. Большинство фактов, о которых я упомянула в данной статье, более чем доступны. Они публиковались в периодике, выходили книгами, висят в интернете. Но отчего ни один из них не прозвучал из уст представителей власти? Отчего, когда

⁶ Реванш был по полной. Один эстонский священнослужитель признавался моему мужу, что эстонская его фамилия – не настоящая, настоящая была немецкая. Родители принуждены были переменить ее из-за притеснений.

⁷ Не стоит обобщать проблему Балтии до трех стран. Литва – совсем иной случай, это страна со своей историей. Как у всех решительно народов, имеющих общую границу, наши отношения никогда не были безоблачны. Взаимных счетов не может не быть, такова жизнь. Но литовское гражданство было предоставлено в начале 90-х годов всем русским, кто имел на то основания по общеевропейской норме.

начнешь спрашивать, большинство собеседников делает бараньи глаза, будто я им рассказываю об истории каких-нибудь далеких зулусов? Почему этого нет в новых наших учебниках? Нам что, не стыдно перед нашими предками, погибавшими в Принаровье? Нам что, не стыдно перед русскими школьниками в Латвии? Перед нашими ветеранами в Эстонии и Латвии?

Проявление политической воли – не только вопрос исторической памяти, но и вопрос нашего выживания. Неужели мы не хотим выжить?

«И люди, стрелявшие в наших отцов, строят планы на наших детей»

Думается, едва ли стоит особо останавливаться на том, какие чувства может вызвать задрапированный в оранжевое кашне Боровой, явленный в один из вечеров на НТВ. Противно, конечно, но неинтересно. Оно бы щелкнуть красной кнопкой и забыть, да только тут-то и высветился вроде бы незначительный момент, который неинтересным уже не назовешь. Одной из целей явления Борового в эфире оказалась реклама «Маши Гайдар, честной представительницы нынешней молодежи», которая кого-то уже публично обзывает «сволочами». Надо думать, в первую голову Путина В. В., кровавого нашего диктатора. А вот это уже повод для размышления.

Как-то я пропустила выход упомянутой девицы на политическое поле. Небольшая прогулка по интернету между тем показала, что дело не сводится только к тому, что во власть рвется еще один представитель алчного и амбициозного клана. Дебют-то покуда скромный: придаточная от СПС крошечная молодежная партия. Пыталась Маша пройти в Городскую Думу, но то ли не прошла, то ли уступила место боевому соратнику Шендеровичу, который вроде бы тоже не прошел. Но это ведь только начало, когда понадобится, средств на «раскрутку» хватит.

Все-таки, где та грань, за которой наше русское добродушие переходит в какой-то суицид?

Вообразим на минуту, что лицом современной Германии жаждет стать внук Адольфа Гитлера, причем не простой внук, а внук, оставивший себе дедушкин партийный псевдоним? Позвало б его какое-нибудь «Эхо Берлина» поразглагольствовать, как он славно оздорovit страну? Смешно? Только потому и смешно, что суд и осуждение фашизма в истории состоялись. Только благодаря этому Германия и поднялась вновь.

А у нас никакого реального осуждения коммунизма не было. Только не надо говорить, что страна-де была в девяностые годы «не готова». Некоторое знакомство с новейшей историей выявляет, что большая часть немцев-современников тоже воспринимала Нюрнберг как судилище, устроенное победителями над побежденными исключительно по праву силы. Переосмысление немцами судебного процесса шло лет десять.

Суда же над коммунизмом не было не потому, что простые старички и старушки до сих пор приукрашивают образ товарища Сталина воспоминаниями своей молодости. Есть кому-то дело до их чувств – как же! Причина в том, что девять десятых нынешних демократов – потомственные члены «внутренней партии». Придя с Ельциным к власти, они были заинтересованы только в самом беззубом осуждении коммунизма вообще, и коммунизма современного, тоже уже довольно беззубого.

А зубастый коммунизм, тот, что неразрывно связан с прадедом «честной Маши», как бы выведен за скобки. Я не поленилась посмотреть в блогах. Вот честной Маше пишут – «Ваш легендарный прадед посвятил жизнь борьбе за освобождение народа. А Ваш папа посвятил жизнь борьбе за его порабощение». Вот честная Маша отвечает: «Я, как и мой прадед, посвящаю жизнь борьбе за освобождение народа. Считаю, что и папа делал то же самое». Заметим: там, где человек менее циничный сделал бы выбор между коммунистом-прадедом и антикоммунистом-отцом, наша Маша безмятежно совмещает то, что на первый взгляд не совместимо. Доминантно одно – большевистская наследственность. Вспоминая тот голодомор, который, запланировано и осознанно, устроил пенсионерам Гайдар-третий, можно сделать вывод, что он вполне унаследовал методологический инструментарий легендарного деда.

Впрочем, может быть, кто не помнит, что детским писателем Аркадий Гайдар сделался только после того, как свои же запретили ему продолжать физические зверства, уволив из армии? Не от избытка гуманности, понятно, просто хотели сперва допросить тех пленных, которых юному Гайдару и было приказано направить в штаб. Но юный герой никого никуда отправлять не хотел – поэтому собственноручно расстрелял всех на месте. Он сделался неуправляем в своем душегубстве даже по тем душегубским временам. Он подписывал кровью смертные «приговоры». Не в силах справиться с таежным крестьянско-офицерским белогвардейским отрядом Соловьева, он обрушил «революционную мощь» на мирное население. Брал в заложники, сек плетью, рубил шашками. В промежутках между трудами над детскими книгами он тосковал по крови. Он все время «резался» – обильно, но, что любопытно, серьезных вен не трогал. Он мерзко пил и до истерик боялся собственных снов.

Ну почему они неустанно лезут править той страной, которой принесли столько зла? Им не удается и в четвертом поколении, ведь и Гайдар-второй, кажется, куда-то пытался избираться. Вопрос праздный. Первый, второй и третий Гайдары стяжали себе все возможные житейские блага при советах. Второй успел вкушать благ и от становления демократии. Третий на оной раздулся до сверхъестественных размеров. На очереди четвертая, она хочет урвать свое.

Я не могу придумать ни одного возможного объяснения поведению клана Гайдаров кроме самого простого: они наделены наследственным умением наживаться на крови и деструкции.

Цинизм всегда был визитной карточкой СПС. Стоит ли удивляться второй «подающей надежды» партийной фигуре – волоокой дочери Бориса Немцова. Судя по виду внешнему – девочка здоровенькая, явно получившая все витамины, которых недостало большинству ее сверстников в бытность у власти папаши со товарищи. В биографии – МГИМО – кадровая кузница советской номенклатуры, она же номенклатура постсоветская. В предках – дедушка из «внутренней партии», немалая шишка. Что же бы она, спрашивается, могла в 21 год сделать полезного в стенах Мосгордумы? Вопрос даже не риторический, а анекдотический. Но ведь и это – только первые шаги милой малышки.

СПСу некогда думать ни о приличиях, ни о логике. Потомки кровавых чекистов, они срывают лавры на противостоянии застоному «гэбисту» Путину, потомку простых рабочих – и ведь у них недурно получается. Они самоназываются «правыми», будучи законченными леваками. Они именуют себя оппозицией – то есть тем, что может стать будущим страны, – а на самом деле являются ее прошлым, вчерашней властью, уже не принесшей стране ничего, кроме бед и разрухи.

Впору по сторонам оглядеться – почему до сих пор не явились хакамаденыши и чубайсята, где юные кириешки, резвые беляши? Неужели еще не выросли?

Поверить в то, что эта поросль рванет в науку или медицину, ей-же-ей, сложновато. А все-таки девица из клана Гайдаров как-то особенно оскорбляет своими амбициями любого вменяемого русского человека.

Ну да, юная Немцова родом из страны Номенклатурии, но, все-таки, вдруг ее прадед все же не убивал пленных? Ох, для себя вы, разумники, сочинили, что «сын за отца не отвечает». Шулерская формулировка, затаившая в себе подтасовку юридического и нравственного понятий. Одно из другого не вытекает, между тем. Я отнюдь не призываю к тому, чтобы внук Аркадия Гайдара отсидел за все убийства, совершенные его дедом, в том числе – за смерть моего деда. (Я нимало не пытаюсь утаить, что «гайдаровская» тема меня затрагивает лично. Но ведь не меня же одну?) Но во имя всего святого, почему нераскаянные потомки тех, кто злодействовал в России, опять рвутся во власть, а главное – почему мы это терпим?

Никто не волен в своих предках, что уж говорить. Но будь моим дедом не путешественник и прогрессивный земледелец, а красный кат – я ушла бы в монастырь, коль скоро я хри-

стианка. Была б атеисткой – застрелилась бы. Для порядочного человека выход из подлого родства есть всегда. Если не в монастырь и не пулю в лоб – то можно же хотя бы постараться жить незаметно, хотя бы в публичность не лезть? А если они сами не в состоянии наложить на себя нравственные ограничения, не общественный ли долг поразить их в правах?

Дж. Оруэлл, конечно, гений терминологии. Жаль только, что деление на «внешнюю партию» и «внутреннюю партию», де-факто существовавшее в КПСС, не оформилось де-юре. Очень бы это нам сегодня помогло разбираться в прошлом. Смешно осуждать старшее поколение за членство во «внешней партии», полстраны шло на нравственный компромисс, но такие люди не творили зло. Вредили они обычно только своей бессмертной душе. Иное дело – «внутренняя партия», хотя даже в ней не всех членов необходимо однозначно подвергнуть остракизму в потомках. А все же претендентам на роль «совести нации» стоило бы публично ответить на некоторые вопросы. Вопросы вполне конкретные: были ли Ваши предки в ЧеКе, ЧОНе, СМЕРШе, etc.? Проще сказать – были ли они безнаказанными убийцами? Хотя бы колен на семь такое распространить – чем не число? Проживут семь колен скромно и достойно – вопрос закрыт. (Это, конечно, не случай Гайдаров и Гайдарок, тут отчет пошел не с Аркадия, а заново, с Егора...)

Но, может статья, честная Маша не так уж и глупа, когда откровенно похвывается прадедом? Только что мы наблюдали, как загибавшийся на глазах СПС резко сменил предвыборную тактику. СПС начал играть на поле коммунистов, кинулся к уже однажды обобраным старикам с популистскими лозунгами, давил на ущемленное чувство социальной справедливости, помножал это все на не слишком хорошую экономическую грамотность. Раздать Стабфонд, ни больше ни меньше. Конечно, пылится Стабфонд (хоть и разделенный уже на две части) пока что без всякой пользы, да только разовая дележка – еще глупее. Ну, получит каждый пенсионер долларов по пятьсот: кончатся они очень быстро, а дальше что? А стабфонда уже не будет. (Кроме, понятное дело, тех его частей, что упадут при дележке в карманы раздатчиков...) Но многие уставшие старики сегодня пойдут голосовать за тех, кто хоть малую толику да обещал наличными. А расчет сделан именно на стариков, что Белых простодушно объяснил открытым текстом: они-де активнее всего ходят на выборы. Забыл, правда, добавить, что предыдущий свой электорат партия сама же разогнала, когда, впад в панику от проигрыша, принялась кричать, будто ходить на выборы смысла никакого и нет, все они заранее сфальсифицированы.

Оказалось, однако, что при условии успеха СПС выборы вполне могут оказаться честными. И если для успеха надо сменить какую-нибудь мелочь – взгляды или электорат, тоже не проблема. Как раз среди пенсионеров больше всего ностальгии по всему советскому. Ну и как тут не вспомнить, что папа честной Маши в свое время энергично трудился в журнале «Коммунист»? Так что противоречие между прадедом и папашей – самое мнимое. Однако маневренность уже сошедшей было с политической сцены партии не может не насторожить. Ведь цвет знамен им не важен, важно одно: власть и деньги. Одно вытекает из другого. Россия так богата, что они не успели полностью ее обобрать в прошлый раз. Они тоскуют о временах Ельцина и очень, очень хотят реванша.

Рифы имперской консолидации

Я не предполагала полемизировать на темы имперской консолидации, пока не осознала, что одна из проблем правого объединения уже прошла опасной трещиной по очередной консолидационной попытке. А ведь эта попытка, может стать, последняя.

Проблему сию обозначим так: историческая каша в голове. Заваривается она следующим образом: основательное историческое невежество перемешивается с убежденностью в собственной исторической компетентности, а огонь под черепной кастрюлей разжигает уже не владелец, а либералы. По-человечески понятно, что как те пойдут кричать с пеной у рта об ужасах «немой России» от Рюрика до Путина, всякому патриоту тут же хочется доказать, что решительно все у нас было лучше всех. Опасный соблазн, всякое самообольщение опасно. Посмотрим, что из этого выходит на практике. Под главным прицелом я ставлю статью И. Лавровского «Шарада элит», опубликованную в свое время в журнале «Главная тема». Очень уж она местами показательна.

*«Задолго до того, как рухнула **российско-советская**⁸ империя, — начинает автор, — ее строители были морально скомпрометированы — от Ивана Грозного до Иосифа Сталина и Леонида Брежнева. Новые же правители страны или под флагом очищения от „ошибок прошлого“, очищаясь при этом от своих же исторических корней⁹ и исторической легитимности».*

Зачин баснословный. Мне сложно поверить, что автор действительно не понимает, что «российско-советской» Империи никогда не существовало. Две их было, империи, и о легитимности второй смешно даже говорить, коль скоро возникла она в результате захвата власти кучкой предателей России и заговорщиков. Но, вероятно рассуждает автор за кадром, дело то давнее. Смущаем пользы ради, воспитания патриотизма для. Берлин ведь при Второй брали, пусть будет полезная такая цепочка: Суворов, Ушаков, Кутузов там, ну и Жуков. Кому нужны разграничения?

Но такой зачин — первая пуговица, вдетая не в свою петлю. Дальше все идет накосом, весь ряд. Об Иване Грозном речь у нас еще пойдет. Но называть в задоре строителем Империи человека, сгноившего в лагерях полнарода, нанесшего непоправимый ущерб генофонду нации? Кто и главное как «скомпрометировал» Иосифа Сталина? Полагает ли автор, что его оболгали (трудно в такую наивность поверить), или что о нем напрасно, во вред делу, сказали правду. Вероятнее второе, но это безнравственно, и, что будет ниже доказано, деструктивно.

Но и дальше идет застеежка не в свои петли:

«Каждый новый царь выполняет крутой зигзаг по отношению к предшественнику, при этом статуи предшественника неминуемо слетают с пьедесталов. И это в то время, как монголы, например, возводят монументы Чингисхану»...

Вот, что получается, если валить в одну кучу помазанников Божьих, предстоятелей христианского государства, и временщиков, наследовавших узурпаторам, а уж **пред кем** они предстояли, лучше умолчим. Ну и кто из царей у нас сшибал монументы своих предшественников? Даже Павел монументов ненавистой матери не сбивал, вся его общественная демонстрация отношения к правлению Екатерины свелась к возданию почестей останкам отца (дело, откуда ни гляди, вполне благое). Памятники царям, извините, сшибали как раз большевики-узурпаторы, и не по очереди, а всей честной компанией в момент захвата власти. Если отместить все фантазии, автор недоволен одним конкретным правителем советской империи — Никитой Хрущевым, который-де ослабил нацию «скомпрометированием» Ста-

⁸ Выделено мною. — Е. Ч.

⁹ Ну а германцам кому по этой логике памятники ваять? Гитлеру? Или Третий рейх — не их «исторические корни»?

лина. Хоть Чингисхан, да свой. *«Когда русские бьют своих, чужие вовсе не боятся, они злорадствуют».*

Но если Сталин «свой» И. Лавровскому, еще не значит, что он свой мне. Я внучка мученика, убиенного этим самым замечательным «строителем». В четырнадцать лет я отказалась вступать в комсомол. Каким образом И. Лавровский докажет мне, что он – более русский, чем я? Для моего дяди Сергея Константиновича Сталин всю жизнь и до сих пор – без имени – «красная собака». И вот безбожной власти больше нет. Я могу направлять свои патриотические чувства не только в прошлое, как с детства привыкла, но и в настоящее. За что выдавливать меня из созидательного процесса? Не было бы скромно говорить о себе, да только мою позицию надо множить на сотни тысяч.

А мы ведь и так многое терпим. О гимне президент открытым текстом попросил с экрана уступить.

Не столько убедил, сколько уговорил. Приняли его сторону, несмотря на его ошибку, и так ведь врагам радость. Но по ТВ безмятежно звучит слово «чекисты» в смысле «работники ФСБ». Но я, знаете ли, хочу любить свои спецслужбы, меня и так с рождения лишили этого удовольствия. Я хочу любить свои современные спецслужбы не меньше, чем люблю царские, ошельмованные гнилой либеральной интеллигенцией конца XIX века. Книгу для детей хочу написать как-нибудь, чтобы играючи вырос у нас наш Дениэл Дефо. Любить спецслужбы – это нормально. Любить спецслужбы, ассоциирующиеся с ЧеКой, для многих, историю знающих не понаслышке, невозможно. Я напрягаюсь каждый раз, вынужденная напоминать себе, что скверное слово говорится наобум Лазаря, что мои ровесники и младше, нынешние спецслужбисты, никакого отношения к кровавым катам иметь не могут. Это с моей стороны (опять множьте меня на тысячи) уступка. Но почему уступаем только мы? При Сталине трое моих дядьев по отцовской только линии (в том числе и тот, что про «красную собаку» говорит) дошли с боями до Берлина, отец мой летал на бомбардировщике, а каткомбная христианка Зоя Баталова, детская подружка моей матери, в шестнадцать лет пошла в артиллерию. Но все это – не благодаря Сталину, а вопреки его существованию. Все это – благодаря великой душе народа, всегда отделявшего плевелы от зерен. Но не чрезмерно ли испытывают наше терпение? Я понимаю, что у многих, кто в иной среде рос, есть какие-то свои теплые мифы о ЧеКе, свои детские книжки, но надо ведь чем-то поступаться ради объединения? Восстанови Лужков Железного Феликса – и все, я бы уже была в оппозиции. Против своей воли, с болью.

Если в правом движении возобладают сторонники «памятников Чингисханам», сотни тысяч людей, составляющих созидательную интеллектуальную силу нации, будут вычеркнуты из строительства Империи.

Ну да ладно, земля у нас богатая, обойдемся без этих сотен тысяч и заодно без Елены Чудиновой. Будем играть только с теми патриотами, которым нравится Сталин...

«Восстановление доверия к власти, к ее институтам, которое является необходимым атрибутом стабильного государственного устройства, не состоится без восстановления моральной связи с предшествовавшими эпохами, а следовательно, с предшествовавшими правителями»¹⁰.

Правильная вроде как мысль. Но вот только никак не со всеми правителями возможно разом эту самую связь восстановить. Хотим мы или нет, возникает необходимость выбирать. Нельзя быть разом со Сталиным и с Хрущевым, с Павлом I и Александром I, с Петром III и с Екатериной Великой. Иначе шизофрения получится.

¹⁰ Отметим, кстати, употребляемое автором нейтральное слово «правитель», которое можно равно отнести как к помазаннику Божьему, так и к атеисту-узурпатору. Именно атеистичность сознания и играет с автором злую шутку, мешающую осмыслить противоестественность подобного смешения.

В свете же выбора проблема оборачивается для нас презанятной своей стороной.

На недавнем Соборе РПЦ в очередной раз подали голос сторонники канонизации «святого царя Ивана». Канонизация, как и следовало ожидать, категорически не проехала. Был сделан, кстати, обстоятельный научный доклад о причинах полной ее невозможности. Но, коль скоро далеко не все читатели, как мне представляется, присутствовали на упомянутом Соборе, мне, в какой-то мере ученице В. Б. Кобрин¹¹, следует поднять данную тему особо. Потому что Кобрин, господа, относится к школе Веселовского. Так что я эту эпоху представляю, в отличие от некоторых, не по Эйзенштейну.

И вот что я читаю у И. Лавровского: *«Достаточно убрать Москву, как Россия опять превратится в набор больших и малых деревень, каким она была до восшествия на престол Грозного»*.

Опаньки! Двуглавые орлы, стало быть, на деревню к дедушке прилетели. Думали-гадали, за кого б захудалого-слабого царевну отдать, ну и нашли на печи деревенщину.

«Результаты опричнины трагичны для страны», подытоживает Кобрин¹². *«Путь форсированной централизации без достаточных экономических и социальных предпосылок был осуществим только при условии неслыханного усиления личной власти царя. Свою реальную слабость власть пыталась компенсировать жестокостью, создавая не четко работающий аппарат государственной власти, а аппарат репрессий»*¹³.

Полно, да только ли о Грозном это можно сказать? К «Иосифу Виссарионовичу» такая характеристика тоже подходит, словами английского классика, как фланелевое белье после стирки. Кобрин указывает историческую альтернативу: *«деятельность Избранной Рады, при правлении которой были начаты глубокие структурные реформы, направленные на достижение централизации. Этот путь не только не был таким мучительным и кровавым, как опричный, но и обещал результаты более прочные, и исключал становление снабженной государственным аппаратом деспотической монархии. Но этот путь не исключал результатов немедленных: структурные реформы дают плоды не сразу, а потому нередко обманывают нетерпеливые ожидания. Возникает соблазн утопического, волюнтаристского, командно-репрессивного пути развития. Ведь эти три эпитета жестко связаны: любая утопия – волюнтаристична, а потому для своего осуществления требует строгих приказов, подкрепленных репрессиями»*.

*Путь Избранной Рады был основан на реальных тенденциях развития страны, быть может, не столь познанных, (ведь в ту эпоху господствовал еще донаучный уровень мышления) сколь, по крайней мере, уловленных чутьем умных и реальных политиков. Путь же опричнины основывался на произвольном хотении»*¹⁴.

Зачем же нам сегодня скатываться на «донаучный уровень мышления» предполагая в Грозном строителя-собирателя? *«Тенденции централизации, ликвидации удельного сепаратизма были объективными, – пишет Кобрин. – К крепкому единому государству, как к Риму, вели все пути»*. Так что полезен был Грозный для созидательного процесса как мешок на ногах у марафонца.

Не странно, что при Сталине искусственно нагнетался своего рода культ Грозного, писались *«научные труды, имеющие отнюдь не научное обоснование»*¹⁵. Помнится, недавно в какой-то телевизионной программе скользнуло, в виде анекдота, упоминание, как Неч-

¹¹ Конспектов того спецкурса, увы мне, не сохранилось, поэтому я буду ссылаться на научно-популярную книгу Владимира Борисовича «Иван Грозный» («Московский рабочий», 1989).

¹² «Иван Грозный», с. 120.

¹³ Там же, с. 124.

¹⁴ «Иван Грозный», с. 117.

¹⁵ Из лекции, цитирую по памяти.

кина, услышав, каков снимается фильм, срочно переделала готовую работу, изменив значение опричнины на сугубо положительное. Но не все историки были таковы. С. Б. Веселовский (1876–1952) *«спасал честь и достоинство отечественной исторической науки. Опричнина была вроде далека от его традиционно сложившихся научных интересов: предмет его исследований составляла история социально-экономических отношений. Но преданность научной истине и отвращение ко лжи заставили его взяться за большой труд. Первые его работы об опричнине еще успели выйти в свет...»* Ученый подвергся жестокой травле, рисковал свободой и жизнью. Вот, каких героев мы должны поднимать на щит для врачевания национальной гордости!

Мне могут возразить – ладно, раны, нанесенные обществу Сталиным, еще не зарубцевались. Но едва ли найдутся потомки, допустим, Колычевых, которым возвеличение Грозного столь же больно, как возвеличение Сталина больно внукам «врагов народа»? Яркие фигуры хорошо подходят для создания средствами кино и литературы некоего полезного набора, необходимого для воспитания патриотического поколения. Почему б не оставить реального Грозного ученым, а на широкую публику слепить пряник? Кому плохо, дела-то давние. Ох, какое скверное рассуждение!

Можно ради пользы дела преувеличивать чью-либо пользу или добродетель, но нельзя лгать.

Даже если Николай II предстанет лучше, безошибочней, чем был в жизни (в особенности в произведениях для юношества) – вот тут вреда действительно не будет. Потому что Николай был человеком высокой нравственности, автором опередивших свое время мирных инициатив. Но ребенок, поверивший в детстве в замечательного Грозного с замечательным Сталиным, рискует вырасти нигилистом. Постмодернистом то бишь, по-нынешнему. Ложь мстит. Ничего хорошего на ней не выстроишь. Нельзя делать положительный образ из ката, что, в поношение собственному царскому достоинству, пытал людей своими руками, что убивал **ради шутки** (своих опричников в том числе). Я уж, так и быть, оставлю за кадром свои религиозные размышления по поводу помянутого не к ночи ордена. Упомяну лишь о том, что только современное сознание может предположить, что Курбский, называя подручных Грозного «кромешниками», всего-навсего каламбурил. Впрочем, и про «правителей» советской империи я имею подобные же идеи, но это опять-таки не сейчас. Грозный, в панике бивший среди ночи в колокол, созывая свою «братию» на молитву, и Сталин, обласкавший Церковь, когда напал Гитлер, – трусы. Их «церковность» – судороги нераскаянного грешника, страх смерти и ада. Жалкое зрелище.

А теперь вот о чем. Империя не создается и не выживает ради собственно создания и выживания. Ее должна направлять высшая цель. Даже такая дура, как Америка, и та себе внушает, что несет миру демократию, а не просто хавет все на своем пути. На днях мы электронно разговорились с Ю. Вознесенской о «бремени белых». Не могу удержаться от цитаты из ее письма:

«Почему европейцы? Да потому, мне кажется, что они приняли Христа как саму жизнь – вот и стали ведущей частью всей жизни. Существовала только одна саморазвивающаяся цивилизация – христианская. Все остальное представляло собой стагнацию в язычестве – самосохраняющиеся цивилизации. Разрази меня гром, не вижу никакого развития больше нигде. Да, сейчас христианская цивилизация вроде куда-то не туда развивается – но ведь развивается же! Достаточно резкого поворота к Христу – и все обретет другой смысл и расцветет.

Сын моей подруги постоянно ездит в Африку. Знаете, что она собой представляет после ухода европейцев? Пейзаж после битвы. Все в развалинах, все загажено и разворовано. Безумная и фатальная лень да изредка вспышки энергии на тему „убить и украсть“. Как-то он сопровождал транспорт с медикаментами в Нигерию: по дороге на ВСЕХ грани-

цах Африки его задерживали и не выпускали, пока он не давал деньги. В общем, бесплатные пожертвованные лекарства, пропущенные по Европе без задержек и таможенных оплат, в Африке были оплачены внятеро, а в конце концов – разворованы самими же африканцами. Он и другие энтузиасты пытались найти хоть какие-то силы, способные навести порядок, входили в контакты с властями, с президентами, с военной верхушкой, но все они смотрели на них только как на источник обогащения.

Да, третий мир обогащал империалистов, но империалисты делали возможным само существование третьего мира».

Вот задача грядущей Российской Империи и есть – донести народам тот самый упомянутый «резкий поворот ко Христу». Больше этого сделать некому. Европейское христианство выродилось (потому и из африк ушли). Мир спасет от джихада только православная Империя. Такова уж судьба России – либо ей спасти всех, либо погибнуть первой.

Но настоящая Империя всегда несет на штыках цивилизацию. А иначе чего ради быть Империей? На кой черт нужна миру Империя, которая несет не Христа, а Грозного со Сталиным? Чем мы тогда лучше Третьего рейха? Уж давайте, не станем перенимать позитивный опыт у монголов¹⁶.

Господа, реваншизм дело тонкое. В заключение я позволю себе повторить мысль, что уже звучала в статье «О тельцекратии...». В качестве идеологического инструментария, необходимого для воспитания здорового и свободного от рефлексии поколения, необходимо выявить некоторый идеальный набор исторических фигур, на которых способно опереться национальное самосознание. Упомянутые личности истории должны быть всячески популяризируемы пропагандой, народным образованием и т. д.¹⁷ И фигуры эти необходимо выбирать по двум признакам: а) положительности (в чем, как ни странно, приходится убеждать отнюдь не самых глупых на деревне людей...) и б) объединяющей роли на данный момент. (Боярыня Морозова была исключительной женщиной, и вдобавок юной красавицей, в противоречье тому, что намалевал передвижник. Но сейчас не лучшее время для популяризации боярыни Морозовой.) И, как я уже говорила, выявлять объединяющие фигуры должны специалисты историки и социологи высочайшего уровня. **Без выработки единой исторической концепции национального реванша консолидация правых сил обречена на провал.** Но формирование этой концепции надо предоставить профессионалам.

Фигура Грозного привлекательна «отрицательным обаянием», об опасности которого упоминал в свое время В. Б. Кобрин. Не в меньшей степени оно присуще фигуре Сталина. В годы национального унижения очень легко поддаться «отрицательному обаянию» того, кого «все боялись». Стоять на коленях противно и неудобно. Но надо подыматься с них без помощи лукавого.

¹⁶ Небольшая неувязка у И. Лавровского. Бонапартизм он осуждает, а чингисханизм отчего-то приветствует. Меж тем если различие меж ними и есть, то в пользу Бонапарта.

¹⁷ Некий колonoчник, пардон, колумнист, недавно с желчью писал: вот де, небось к следующим книжным ярмаркам наваяют писателишки волюмов про старенького тщедушного драчуна с косицей. Цитирую приблизительно. Ужас-то какой. Надо думать лучше, чтобы ваяли только Пелевин-Акунин-Сорокин-Толстая-Петрушевская. Конъюнктура она в любом случае и есть конъюнктура, только время может отделить ее от подлинной литературы. Но куда полезней для общества, чтоб мода была на ненавидимого колonoчником драчуна с косицей, чем на чернушные клоунады. И так всю перестройку литбесы отгибались.

Одинокий философ подыскивает себе диктатора...

Последнее время я все вспоминаю сказочку о козленке с колокольчиком, так часто звонившем без необходимости, что никто не пришел к нему на помощь, когда он зазвонил по делу.

Спору нет, один раз сказать «СПС – это никакие не правые, правые вовсе даже мы» – прием эффективный. То, что СПС не правые – трюизм. Поэтому и вторая часть утверждения настраивает на доверие. Увы, теперь любому правому течению, ежели оно вдруг образуется, надо будет очень долго доказывать свою правоту.

Правым в свое время провозгласил себя журнал «Главная тема». Его концепцию Михаил Леонтьев определил так – «журнал для всех, кому Россия не „эта страна, а наша страна“». Она оказалась слишком поверхностной, чтобы явиться состоятельной. Через несколько номеров непримиримые противоречия прошли прямо по страницам журнала, превратившегося в эдакий дом, разделившийся в самом себе. Полемика разразилась между «белыми» и «красными», между монархистами и сталинистами, христианами и сторонниками «красного ренессанса», с репликами по ходу от тех, кто пытался соединить гений и злодейство. Последнюю позицию, к сожалению, занял и Михаил. Так или иначе, розовым журнал пробыл недолго. Белые ушли, красные остались. Журнал плавно превратился из ежемесячного в ежедвухмесячный, а затем выпал в вялотекущее состояние альманаха. Не знаю, жив ли еще, но факт того, что, покраснев, журнал стал не жилец, доказывает, что «красный ренессанс» сейчас – скорее развлечение «элит», нежели реальная потребность народа.

После того о себе заявила «Правая. ру». С нею дело немного сложнее, поскольку там и сейчас публикуются некоторые вполне правые люди, которым просто больше некуда деться. В целом от портала остается впечатление эклектики. Из моего поля зрения «Правая. ру» несколько выпала после укоренения на нем ревнителей «ядерного православия».

Надо сказать, что большую часть моей сознательной жизни я и не подозревала о существовании «православного философа» В. И. Карпеца и, надо сказать, чувствовала себя лучше.

О нем и пойдет речь ниже, хотя мне и не подумалось бы уже второй раз заводить о нем разговор, когда бы отголосок его своеобразных идей не прозвучал недавно из уст редкого умницы Алексея Пушкина в программе «Постскрипtum». Едва ли второй попал под влияние первого. Скорее, идеи эти витают в патриотическом пространстве, потихоньку его отравляя. «Должно быть, в воздухе безумия микроб носился...»

С интересом узнав, что В. Карпец занес мою скромную персону в свой список подлежащих полному запрету литераторов, я взяла на себя труд ознакомиться с его статьями. Не со всеми, скажу честно, но в достаточном количестве. Тут и обнаружилось заодно, что он свил себе большое гнездо на той самой «Правой. ру».

Но к делу. Какие у меня основания считать, что наличие В. Карпеца и заединщиков в авторах автоматически выводит СМИ из правой области?

Пойдем по порядку, если он вообще возможен.

Казалось бы, любому вменяемому человеку должно быть ясно, что Киевская Русь входила в единую кровеносную систему исторически уникального континента Христа – Европы. Что обособленность Московской Руси привела (спасибо Орде) к ее отставанию – мы кремля не могли сложить в ту пору без заграничных спецов. Что Россия, став Империей, возвратилась в Европу и возобновила династические связи. Что, в силу нашей греховной человеческой природы, мы, европейцы, не всегда достойны высокой доли единственного континента Христа, мы враждуем друг с другом, но при этом войны между католиками и протестантами, католиками и католиками, протестантами и протестантами были в минув-

шем тысячелетии ничуть не больше кровавы, чем между православными и католиками. Что вторично нас, русских, обособил только железный занавес, последствия которого ощущаются по сию пору. Что слабых всегда бьют, а доверчивых, какими мы показали себя в перестройку, всегда обманывают. Бога ради, ну чего во всем перечисленном мудреного?

Так нет, некоторым «православным» головам нравится любовно лелеять миф о каком-то особом заговоре, в котором «Запад» с начала времен с утра до вечера ненавидит Россию. По Карпецу – еще Елизавета Первая бегала за Иваном Грозным, чтобы через брак с ним вовлечь Русь во всяческие неприятности. Не получилось, Грозный ее раскусил. (На самом деле клинья подбивал как раз он, и не к королеве, а к ее племяннице Марии Гастингс, но уж это мелочи жизни...) И со злости отвергнутая Елизавета, такая-разэтакая, завещала свое черное дело Майклу Кентскому, который сегодня вот-вот залезет на российский трон с помощью оранжевой оппозиции. А тогда уж продаст нас наконец США, чего у Елизаветы Тюдор не получилось.

Но есть же какая-то причина, по которой «Запад» злоумышляет против нас не то что с Елизаветы Тюдор до Майкла Кентского, а до Майкла Кентского с франкских майордомов, которых В. Карпец отчего-то именует «третьим сословием»? Причина есть, и это уже миф № 2. Она заключается в некоей особенной проклятости «Запада», предопределенной, так сказать, проклятости. Заметим к слову, что здесь В. Карпец куда ближе к ереси агарян, нежели к Православию, но об агарянах речь еще впереди. А покуда напомним, что из 130 с лишним томов латинской «Патрологии» около 100 являются в равной степени достоянием и православных и католиков. Таким образом, концепция «изначально проклятого Запада» лишает нас большей части святоотеческого наследия.

Но перейдем к мифу № 3: все злоумышления «Запада» сводятся к одной цели – «вбить клин» между Россией и исламским миром. Тут неуклонно выдвигается следующее противопоставление: «Запад»-де развивался в постоянном конфликте с исламским миром, между тем, как Россия – в неизменной дружбе, к взаимной пользе обеих сторон. Арифметика по Карпецу продолжается: вычитаем из нашего Православия святого преподобного Сергия Радонежского, иноков Пересвета и Ослябю, как не вписывающихся в концепцию. Вычитаем также изрядное количество уже чисто Восточных святых, не разделявших восторги по поводу ислама, Максима Грека, например. А из истории вычитаем сущность Куликовской битвы, которую академик Рыбаков определял как этнообразующую. Взамен живенько берем в оборот какой-нибудь новомодный дилетантский домодел, вроде того, что «оседлые» победили «кочевников» или русские благородно защитили «настоящих чингизидов» от «латынских» наемников узурпатора Мамай. Кто-нибудь может себе представить Сергия Радонежского, благословляющего «битву за оседлый образ жизни»? Трудно. Поэтому не было никакого Сергия Радонежского. Не было и все. Не было, думается, и Екатерины Великой, чье покорение Крыма тоже как-то не вписывается в вечный мир с агарянами. Поглотимся заодно и над памятью Александра Освободителя: на кой это ляд ему понадобилось освободить болгар из-под ига симпатичных османов?

Но самое смешное – любезный карпецам всех мастей Иван Грозный тоже в их концепцию не вписывается: как-никак ходил на Казань и на Астрахань. То есть Грозный им нужен тоже выборочный, времен Ливонской войны, кстати сказать, только истощившей страну – по оценке В. Б. Кобрин.

Но зато уж Грозный – всем светочам светоч, поскольку Романовых из нашей истории «правые мыслители» тоже вычитают. «Окатоличенные» они какие-то, по Карпецу, а худшего слова для него нет, «омусульманенные» в сравнении с этим – комплимент. Вникните на минуту, господа. Для наших детей не должно быть свято: «...Но встала Русь, и Михаила к себе на царство призвала». Ивана Сусанина нам не нужно, нашел, кого спасать – Романо-

вых. Начинается какое-то ну очень праздное на первый взгляд вытье о «пресечении корня Рюрика».

Отвлечемся на минуту от Карпеца на то, что действительно интересно. При всей красоте коллизии, слияние кровей Рюрика и Палеологов нам особо ничего не дало, кроме орлов, да и на тех мы, по-хорошему, могли бы претендовать через Мономаха. Отстранение от власти отрока Димитрия (не Палеолога) привело к власти Василия III. И с этого момента воля Небес однозначна: брак Василия с Соломонией Сабуровой не дает детей. Увы, Церковь пошла тут на поводу у мирских властей, а заодно у похоти зрелого мужчины, потерявшего голову от молоденькой особы (история старая, как мир). Ну, и что дало противозаконное расторжение священного царского брака, насильственное пострижение Сабуровой? (Не говоря уже о ряде исследований о весьма неприятном происхождении Елены Глинской). Нарушение Божией воли привело к появлению на свет Ивана Грозного – маньяка, кощунника и деспота, прославившегося жестокостью даже в те не мягкие времена, что само по себе суметь надо. А род все равно пресекся.

Каким бы правителем стал Иоанн V – неизвестно, поскольку родной отец его забил до смерти. Федор же был необычайно уродлив физически и не дал наследника. Димитрий, милосердно взятый на Небеса прежде, чем успел нагрешить, был эпилептиком. Кстати, по церковным канонам он не мог быть законным наследником, существуют все же некоторые лимиты на благословение числа браков. Ну и все. То, что род пресекся позже, чем должен был, привело только к Смутному времени, которого могло бы и не случиться. А не спорь с Небесами.

Казалось бы, ну и что особенного в смене династии? Все рано или поздно вырождается. Меровинги, эти длинноволосые потомки чудищ, некогда наделенные неслыханной мужской силой, под конец до того деградировали, что ленились залезть в седло, предпочитая передвигаться на телеге. Экая важность, что Карл Великий не был потомком Хлодвиг! Он стал Императором.

Но нет, вся параноидальная концентрация на фигуре Грозного, вся хула на дом Романовых – не просто так. В статье «Оранжевая мантия для Императора», посвященной как раз разоблачению «зловещих планов» Майкла Кентского, Карпец приходит к выводу, что институт монархии на сегодняшний день не актуален, ибо слишком красив. А сегодня, чтоб возвеличиться, нужна нам «воля железных вождей». Опаньки, приехали. Теперь все логично. Романовы мешают построению исторической прямой между Грозным и Сталиным. Опять нам, стало быть, нужна коммунистическая диктатура.

Скажите, господа, верней, товарищи, публикующие подобных красных пропагандистов: с каких пор кумач стал признаком правизны? Или признавайтесь, что вы теперь «Левая. ру», или попросите добрых друзей привязать вам к одной ноге сено, а к другой солому, как новобранцам петровских времен. Авось хоть так научитесь не путать направления.

Небезынтересно место, которое готовит себе, замечательно умному, В. Карпец в эдаком прекрасном «завтра». Сообщив, что ничего другого, кроме диктатуры, нам «увы, не дано», он, правда, восклицает с манерностью институтки: «Ах, „это не мое!“» Но это уже чистой воды кокетство. В другой какой-то статье философ пишет, поигрывая выдернутой из контекста цитатой, что «народ должен быть отечески стеснен». То есть он, вероятно, готовит себя в инструкторы по «отеческому стеснению» народа. А в какой среде сыщутся «железные вожди»? Боюсь, кандидаты в них пасутся на той же «Правой. ру», да и не только на ней, но и в «Спецназе России» и прочих местах – все те же «ядерные православники». И вот здесь уже становится не смешно. Подменяя собой патриотическую мысль, они все вертятся вокруг силовых структур, вокруг армии. И вот на этом поле, пользуясь отсутствием правой доктрины, они могут наделать изрядного вреда.

Последней же каплей, спровоцировавшей написание данной статьи, явилась для меня статья на той же «Правой. ру» того же Карпеца, озаглавленная «Эсхатологическая провокация Бенедикта XVI». А особенно насторожили, как было сказано выше, отголоски ее в материале А. Пушкина. Говоря без мудреных слов: за Бенедиктом XVI стоят США. (Замечу кстати, государство, в котором за всю историю лишь единожды прорвался к власти католический клан Кеннеди, и что из этого вышло, если кто-нибудь помнит.) Бенедикт, стало быть, пытался поспорить нас с мусульманами, показав, какой у нас был нехороший Мануил II Палеолог.

С Палеологом, немудрено догадаться, Карпец разобрался быстро: **нет сведений**, что он вообще **не** католик. А даже если и есть, то все равно он «всю жизнь боролся с Османской Империей», что, по Карпецу, однозначно нехорошо. Как мы уже поняли, на память наших героев Шипки Карпецам наплевать. Так что, сдаем Палеолога с легкой душой, в угоду нашим дорогим друзьям-агарянам. С агарянами у нас всегдашний конструктивный диалог, при дворе Василия III их-де вообще не крестили. Минуточку! Ведь это не секулярист говорит, а так называемый «православный»! Может быть, для В. Путина, явно еще не осознавшего, что религия становится «играющим фактором» XXI века, для главы светского государства: не крестили, и ладушки, значит, жили дружно, мультикультурно. Но человек, позиционирующий себя православным, должен хоть для виду поднимать вопросы спасения души. Хоть для приличия. Какое там, когда им надо, наши «патриоты» с удобством пользуются абсолютно «западным» понятием «авраамические религии».

Трудно сказать, чего больше в статье Карпеца: шулерства или невежества. Почему это Бенедикт назвал себя Бенедиктом, может, он мученичества захотел, и провоцирует миролюбивый исламский мир взорвать Ватикан? Всякому, кто берется хоть что-либо писать о папстве, должно быть известно, что понтифик Рима, считающий себя последним, должен бы взять вполне определенное имя, и это имя **не** Бенедикт XVI. Это, вообще-то, Петр II. Также не мешает знать, что имя, взятое при избрании, является «месседжем» о будущем курсе (в данном случае, ориентация скорее на Бенедикта XIV, нежели на Бенедикта XV, но не о том речь).

Мне уже доводилось писать, что попытка Бенедикта XVI повернуть модернистскую деструкцию вспять, от неокатолицизма к католицизму, едва ли будет успешной. Однако именно в ее свете его позиция вполне логична и последовательна, насколько вообще может быть последователен человек, связанный по рукам и ногам. Он будет потихоньку дистанцироваться от экуменизма, от извинений за Крестовые походы, возвращаться к традиционным вероучительным католическим позициям. Он видит, что консерватизм – единственный шанс Католической церкви уцелеть в XXI веке.

Но ведь карпецы уже посчитали все выгоды, которые якобы получит Россия, скормив исламскому миру Ватикан заодно со всей Западной Европой! (См. статью «Стареющая вдова ищет нового хозяина»). А тут вдруг «покойник» в гроб лезть отказывается. Агу его!

В момент «карикатурного скандала» многие наши деятели высказывались примерно в таком духе: так и надо этим датчанам, следует уважать чужие религиозные чувства. Не соглашаясь с ними по ряду причин, я, по крайней мере, могла понять их аргументацию. Но не чересчур ли, когда нам всерьез преподносится, что исламский мир имеет какое-то право цензурировать Папу Римского?! А если он, в свою очередь, потребует, чтобы мусульмане сшибли со стен некоторых своих мечетей оскорбительные для любого вменяемого христианина надписи «У Бога нет родственников»? Много чего он может всякого разного потребовать. И такие требования – в наших интересах, поскольку Европа должна перестать играть с исламом в поддавки – как на Востоке, так и на Западе.

Конечно, люди посерьезнее Карпеца говорят сейчас ту же, что и он, глупость относительно «канонических территорий». Как бы де Бенедикт не полез на «канонические терри-

тории» РПЦ. Думается, что ползет. По одной простой причине. Для него не может существовать таких территорий, как и для РПЦ. Понятие «каноническая территория» существует только для Церквей, находящихся в евхаристическом общении. Страны – не ларьки на вокзале, а Церкви – не крышующие их банды. Если католицизм избавится от приставки «нео», он откажется и от позиции, что всяк спасается на свой манер. Для вменяемого католика так же преступно не миссионерствовать в чужих странах, как и для вменяемого православного. Единственное, что мы можем противопоставить этому – миссионерствовать у него под носом в ответ.

Так что, если мы чудом выстоим при полном отсутствии той несущей опоры, коей является правая идеология, то «отечески стеснен» у нас будет не русский народ, но исламский сегмент. Не только для нашей пользы, но и для его собственной.

Раздвоение ВВП

Любители отечественной истории знают о концепции «двух Иванов», разводящей противоречия личности и дел Иоанна Грозного на два хронологических периода. Был-де «ранний» Иван, который делал одно, а был «поздний», который делал совсем другое. На мой взгляд, «двух Иванов» никогда не было, но вспомнились мне оба в связи с тем, что события наиновейшей истории наводят на вопрос: а не наблюдается ли зато у нас «двух Путиных»?

Если они есть, то условно их можно поделить на «Путина первого срока» и на «Путина второго срока». Первый пришел к власти с баснословным обещанием «мочить» террористов «даже в сортире», второй за год до ухода с поста президента исполнил танец с саблями под дудку доброжелательных саудитов.

Полноте, может ли это быть один человек? Когда же взял он назад собственные свои обвинения в том, что эти-то гостеприимные страны и финансировали бандформирования в Чечне? Или не в Катаре укрывался от правосудия преступник Яндарбиев? Или больше не деятельности «благотворительного» фонда «Катар» Дагестан обязан вторжением ваххабитов? Или прежние проблемы радикально устранены? Что-то поменялось внутри еще недавно «реакционных арабских режимов»? Тогда отчего нам ничегошеньки не известно о столь отрадных переменах?

Между тем нечто действительно переменялось, вот только не Средний Восток. Он-то как раз остался тем же, что и раньше. Не изменился, надо думать, и президент. Быть может, он просто сдался?

Визит на Средний Восток – отнюдь не демонстрация смены правительственного курса, скорее, он стал неким логическим завершением определенного этапа, веха. Курс же, по мнению многих, сменился где-то между октябрём 2002 и сентябрём 2004. С осени 2004 года мы не пережили ни одного масштабного террористического акта. Но радоваться рано: источник терроризма не иссяк, и находится он не в Чечне. Задумаемся о том, что организация такого акта – вербовка и обучение шахидок, гонорары прочих участников, материал, оружие, транспорт, содержание баз и т. д. и т. п. стоит огромных денег. Денежные деревья в горах Чечни не растут. Это не я, а В. В. Путин говорил о том, что деньги в Чечню поступали из «реакционных арабских» стран, прошу прощения, от их «реакционных» режимов. А теперь вот не поступают. Терроризм ослаб потому, что не финансируется, во всяком случае, в прежнем объеме. Потому и члены бандформирований вдруг осознали необходимость вернуться к мирному и созидательному труду.

Русла денежных потоков между тем переместились. Экспансия не остановилась, она приняла «мирные» формы. Но не получен ли мир в обмен на широко распахнутые перед всевозможными организациями ворота в Россию? Всевозможные исламские университеты, благотворительные фонды, культурные центры растут, как грибы после дождя, причем растут бесконтрольно. Что на самом деле происходит в их стенах, мы знаем? Или мы просто полагаемся на благородство и добрую волю тех, для кого не предосудительно спланировать нападение на родильный дом? Я не спорю, да и глупо было бы спорить, что в деятельности (точнее – в официальной ее части) всего перечисленного в самом деле участвуют законопослушные и искренние люди, и хорошо бы судить по ним.

Нет, не хорошо. Потому что все эти достойные российские мусульмане позволяют делать от своего лица вполне экстремистские заявления господам Идрисову, Аширову, Гайнутдину, Каландарову... Гайнутдин – глава Совета муфтиев России, Идрисов – председатель ДУМ Нижегородской области, Аширов – сопредседатель того же Совета муфтиев, Каландаров – член ОП, Султанов – депутат ГД, словом все – люди в своем кругу не последние. Покажите мне хоть одного мусульманина, из тех, во всяком случае, кто на виду, кото-

рый бы призвал того же Аширова уважать герб России? В Австралии, между прочим, недавно мусульмане сами окоротили своего собрата, заявившего, что эта превосходная страна должна принадлежать мусульманам, а не каким-то там потомкам английских каторжников. У нас же подобные высказывания звучат без помех.

Хотя упомянутый визит президента и не особенно нас удивил, нельзя не отметить усиления экспансивной агрессии российских исламистов, явившейся безусловным откликом на него. Так, К. Каландаров продолжает настаивать на открытии молельных пунктов на московских рынках. (Сторонникам необходимости мигрантского труда стоило бы тут задуматься, почему же духовный лидер не призывает обустройства такие пункты, к примеру, на заводах?) Ему вторит Идрисов:

«Это практикуется во всем исламском мире, когда во всех общественных местах есть молельные комнаты. Например, в Египте, Иордании, Саудовской Аравии. Почему же у нас им не быть, если мы обращаемся к исламскому миру, считая себя частью его».

Вот так вот, нас без нас женили. Высказывание прямо-таки подкупает нетипичной для восточного человека прямоотой.

Правда, с ним слегка спорит, кажется Р. Гайнутдин: не нужны-де нам сараюшки для приезжих, а нужны нам большие шикарные мечети для тех, кто здесь уже прочно обосновался.

Но милые бранятся – только тешатся. Надо думать, все сестры получают по серьгам. Тем паче, у Гайнутдина есть и иные заботы. Например, он желает переписывания школьных учебников истории.

«Нас не могут не беспокоить попытки придать новые оценки российской истории, связанные с возвеличиванием одного народа и принижением роли других», – заявляет Гайнутдин. Хотелось бы обратить внимание уважаемого муфтия на то, что во всей своей многовековой истории Россия никогда не являлась конфедерацией гипергельвецианского образца. Пройденный страной путь со всеми вехами свершений был до XX века путем развития в русле доминирующей религии. Нам любят напоминать о том, сколь замечательным было в дореволюционной России мирное сосуществование православия и ислама. Вот только те, кто о тогдашнем мире ностальгирует, должны хорошенько вспомнить, что его гарантом являлось естественное доминирование православия и русской нации.

«Не принижайте нашей роли! Не записывайте нас в „младшие братья“!» – говорит он. Так как же должны выглядеть, по Гайнутдину, «хорошие» учебники по русской истории? *«Татарско-русская армия, победившая Наполеона под руководством этнического татарина Кутузова...»*? Смешно? А разве мы уже не слышали об *«этническом татарине Минине»*? Под столь мощным натиском приходится вновь и вновь повторять очевидное: русский народ, как всякий великий народ, исторически многокровен, и «русскость» определялась во все времена языком и верой. Наряду с теми, кто был, говоря модным словом, в мейнстриме, в России всегда жили религиозные и национальные меньшинства, сохранявшие свою идентичность. Но они были именно меньшинствами и потому действительно влияли на ход русской истории в значительно меньшей степени, нежели титульная нация. Это объективный факт, который «принизить» никого не может.

Мне уже доводилось говорить: только доминирование титульной нации является в нашей стране гарантией мира и стабильности для всех ее составляющих! Выбить эту основу из российской жизни – и страна погрузится в хаос и смуту. А кому выгоден «демонтаж» русской нации и православия? Да всем. США – потому, что они, в слепоте своей, хотят расшатать Россию до хаоса и распада. Исламскому миру – потому, что он претендует сделаться наследником наших территорий, вписать нынешнюю РФ во всемирный халифат. Понимая, что оба не могут быть удовлетворены одновременно, они, тем не менее, часто выступают попутчиками. Покуда их цели общие. Так, против ОПК высказываются и Познер и Гайнут-

дин. Случается и вовсе странное совмещение гения и злодейства, когда некоторые доктора наук и трудятся в американском центре Карнеги, и всячески содействуют исламским экстремистам.

Около года назад большинство православных и русских, ведомых ложной идеей, дружно осудило датчан с их карикатурами. Изначально искусственным было противопоставление любой, лишь бы «религиозной» духовности и «бездуховносветского» западного общества. Среди представителей духовенства тогда сделались модны рассуждения о совместном «авраамическом» противостоянии секуляризму. Ну и какое «спасибо» мы сегодня слышим? Правильно, демонстративный, оскорбительный наскок на ОПК.

Так, вдохновленный наведением «мостов с Востоком», Н. Аширов сравнил ОПК ни много ни мало с... «Майн кампф». Напомним, повод-то ничтожен: родители учеников школы при нашем посольстве на Кубе захотели введения этого предмета. Очень, кстати, разумно: детям, растущим в другой стране, необходимо энергичнее прививать чувство патриотизма, чем их сверстникам на родине. Теперь Аширов грозит этой школе судебным преследованием, шантажирует власти немедленным «расколом страны» в случае неудовлетворения требований экстремистов. Н. Аширов, как и год назад, продолжает разыгрывать карту «секулярности». На самом деле, нельзя не видеть, что игра состоит из двух частей, хотя пока нам предъявлена только первая. Выглядит она так:

«У нас светское общество, необходимо удалить из общественной жизни все, связанное с христианством».

Эта часть игры рассчитана не столько на внутреннюю, сколько на внешнюю аудиторию, на политкорректных «лохов» из Евросоюза, искренне готовых видеть в парижских бунтах «социальное явление», а в экстремистах – борцов за достижения демократии.

Спустя некоторое время после достижения первой цели, нам предъявят и вторую часть плана. (Тем паче, что с толерантными деятелями из Евросоюза тогда можно будет не считаться). Вот тогда нам скажут:

«У нас в стране столько верующих людей, мусульман. Почему государство остается светским? Такая форма уже не соответствует потребностям общества! А ну-ка демократию – на помойку, а равенство – на симпатичный Средний Восток!»

Понимает ли кто-нибудь, что ОПК нужны сейчас не только верующим, но и всем, заинтересованным видеть Россию завтрашнего дня Россией? Как принижены были русские перед Великой Отечественной войной, кто-нибудь помнит? Кем считали тогда Минина и Пожарского? «Подумаешь, они спасли Расаю, А может, лучше было не спасать?» – восклицал пиит, предлагавший «расплавить памятник». Всякое проявление «русского духа» и православия было жестоко преследуемо. Вот только в свете германского нашествия пришлось срочно открывать церкви и снимать фильмы об Александре Невском и Суворове. Без русского патриотизма России не жить.

Но все ли хотят, чтобы она жила? Претензия на официальное объявление России страной двух равных религий является, так сказать, промежуточной претензией. Всем, кто способен смотреть хотя бы на шаг вперед, ясно, что остальным религиям и конфессиям, на которые сегодня еще энергично кивают экстремисты, отводится малопочетная роль фигового листочка для исламской экспансии. Поэтому что-то и не видно, чтобы католики, протестанты, ламаисты и иудеи восторженно приветствовали такую борьбу мусульман за равноправие. Им явно предпочтительнее жить в православной стране, чем в халифате.

Пожалуй, никогда в нашей общественной жизни все акценты не были расставлены так четко, как сегодня. Сказано, собственно, все. *«От этого (от взаимодействия со Средним Востоком. – Е. Ч.) будет огромная польза российским мусульманам, мусульмане обретут уже достаточно высокий статус в нашем обществе, ибо смогут уже однозначно сказать: „Мы являемся наблюдателями в Организации Исламской Конференции – значит, наша*

страна не является лишь православной, монорелигиозной страной, но также и мусульманской страной “.»

Как говорится, имеющий уши да услышит.

И еще одно наблюдение на заметку. В действиях всей этой команды прослеживается постоянное манипулирование странной цифрой «20», которая обозначает то 20 % мусульман от общего населения России, то 20 миллионов мусульман, проживающих в ней же, что не совсем одно и то же, но, надо думать, они еще не выбрали, что внушительнее звучит. И то, и другое равно фантастично, так что выбирать можно спокойно, без пошлой привязки к статистике. Риторический вопрос: что же будет, когда благодаря деятельности некоторых общественных палаточников миграционная политика канализирует в Россию недостающие 10–15 миллионов?

Возможны, впрочем, и другие сценарии, которых не ждут ни наша толерантная власть, ни экстремисты. Гитлер Аширову вспомнился не столь уж случайно. Хорошо бы, чтобы муфтий вспомнил заодно, что чудовище нацизма было вскормлено унижением германской нации. Кондопога показала, что терпение русских не беспредельно. Уроков из карельских событий власть не извлекла. Что же, пока их еще возможно, при желании, не извлекать. Но договориться с властью, еще не значит – договориться с народом. А если Кондопог будет сто? Что, если в ответ на действия, вернее, на бездействие власти вспыхнет русский бунт, бессмысленный и беспощадный? Пострадают, конечно, не Аширов и не Каландаров. Пострадают невинные, как бывает всегда. Спрашивается, на кого же ляжет тогда ответственность?

Что толку нам в правоте мюнхенских высказываний, если отстаивающая свои интересы Россия отстаивает их не для русских? Средневосточный курс сулит России возможные тактические выгоды и несомненное стратегическое поражение.

Марш древлемосковитов, или Евразия воюет с Океанией

Ну, вот оно и произошло. Патриотический лагерь окончательно раскололся надвое, на чрезвычайно положительных «имперцев» и очень отрицательных «этнических националистов». Первых надлежит уважать и смотреть сквозь пальцы даже на откровенные нарушения ими закона. Вторых можно травить и топтать сколь угодно, не утруждая себя особым вниманием к фактам. Первые навешали на бамперы своих авто песьи головы, а на вторых СМИ станут теперь вешать всех собак. Впрочем, по порядку.

Вехой разделения надлежит считать, на мой взгляд, состоявшийся как раз в Пасхальное воскресенье 2000-недавнего года «Имперский марш». Интересно все же, в какой степени духовного помрачения надо находиться, чтобы в самый светлый и праздничный день года выволочь на площадь черные тряпки?

Триумфальная площадь, где митинг (он же марш) состоялся, была оцеплена милицией и даже, кажется, армией. Прессе был дан комментарий, что организаторы зело опасаются, как бы не выскочили какие-нибудь «враги» да не развернули перед камерами «провокационных» лозунгов. Что же, из этого следует, что при столь хорошей охране никакие «провокации» не прошли, и все развернутое и сказанное перед камерами является исключительно родным евразийским колоритом.

Таким образом, громогласные призывы «истребить и уничтожить» всякую «мразь» – оранжевую, прозападную, Запад как таковой и США в частности, – являются не актом проявления «ксенофобии» и призывом к насилию, а программой евразийского движения. Нужды нет, мы и не ждали от евразийцев понимания того, что призывы «уничтожить» кого бы то ни было не могут быть ни созидательными, ни объединительными, в отличие от призывов «спасти» и «защитить», как-то вообще русскому народу более исторически свойственных.

Вне сомнения, антизападная истерия, ради которой все «мероприятие» и затевалось, является прямо-таки хрестоматийным примером перевода стрелки с внутренних проблем на внешнего врага. Очень хочется надеяться, что курс этот – все же не правительственный, хотя участники «Марша» и рвутся в идеологическую службу действующей власти. Дай-то Бог, чтобы любовь не оказалась взаимной. Хотя кое-что истораживает. Во внешней политике Россия ведет себя сегодня строго зеркально по отношению к тому, как должна бы. Она то и дело дает слабину перед Западом, вместе с тем демонстрируя негативное к нему отношение. Между тем ей должно бы быть с ним благожелательной, но твердой.

«Поскольку Россия неразрывно связана с православием, мы стали народом, державой и покорили под наш сапог полмира, начиная с православного признания», – витийствовал А. Дугин. Вот уж по-евразийски так по-евразийски сказано! Судя по всему, генетика философа явно помечена какими-нибудь чингизидами: эк выиграло! Мил человек, Александр Гельевич, Вы вправду не понимаете, что это не очень православно – топтать кого бы то ни было сапогами? Империя империи рознь. Легко с дурна ума прокатиться по городам и весям эдаким Атиллоу, перерезать, сжечь, обгадить, а на тех, кто случайно выжил, наложить дань. Трудно идти с цивилизационной миссией, очень трудно, но мы шли, так же, как и наш исторический конкурент – Великобритания. Мы несли бремя белых, как бремя королей, мы несли просвещение и медицину. Что с «сапогом» как-то не увязывается. Если кто и побывал «под сапогом», так, скорее, страны соцлагеря у коммунистов. Цивилизационной миссией тут не пахло, уж точно. Но если Дугин тоскует об этих сапожных делах, то при чем тут православие? Совок веровал во священную мумию в зиккурате.

Трудно, очень трудно, пытаться разложить по полочкам мозговой хаос, интеллектуальную деструкцию. Одно противоречие осознается как противоречие, но когда одно положение включает в себя штук пять перекрестных противоречий, то вроде бы это уже такой способ мышления. Как, например, евразийцы намерены сочетать наличие «опричных формирований для ликвидации врагов власти» с «демократией» и «правами человека»? Видимо так: сперва перережут всех, кто, подобно автору книги, не считает Запад синонимом преисподней (нешто это люди?), а потом в рамках оставшейся компании и будут соблюдать права человека. Впрочем, позволю себе предположить, что поминание «прав человека» и «демократии» прозвучало в виде эдакого игривого подмигивания в сторону власти: вот видишь, какие мы хорошие, мы готовы на «птичьем» языке говорить, раз ты на нем говоришь, мы все понимаем, ты только нас приголубь!

Так или иначе, а «сапог» уже сакрализован: юные евразийцы волокли полотнище с лозунгом «Наш сапог свят!» и скандировали вслед за Дугиным: «Россия – все, остальные – ничто!» Интересно было бы только знать, где проходит граница между «все» и «ничто»? Неужели совпадает с государственной?

Ладно, сочтем, что провозглашая всех соседей по планете за «ничто», евразийцы просто наглядно демонстрируют свою «альтернативу ксенофобии». А ведь нет в России никакой ксенофобии, да и не было никогда. Но власть сказала «ксенофобия», значит, надо «бороться». «Бороться» – оно вообще легче, чем решать проблемы.

Но что нам Дугин, этот брат-близнец Гейдара Джемала, близнец даже в чем-то сиамский. Господи, как же они оба мне на самом деле не интересны! Но Вы, Михаил Леонтьев, скажите: может журналисты все наврали, может, мне о праздничный день просто дурной сон привиделся? Ужели это на самом деле Ваши слова: «Я говорю о настоящей имперской идее, то есть без дикого антуража типа императора»?

В самом деле, зачем православному человеку помазанник Божий? И впрямь дикость. Но если без антуража, то о какой тогда империи речь?

О красной.

Только на первый взгляд кажется, что противостояние «белых» и «красных» относится только к XX столетию. Было-де девять десятков лет назад некое общественное потрясение, разделившее общество и вызвавшее усобицу. Но участники Гражданской войны уже умерли, личный фактор неуклонно умалается. Отчего б не соединить сегодня искусственно разделенное, не стать единым народом? Вот только обе стороны не хотят идти на уступки, эдакие упрямцы во вред делу. Логично? Это лукавая логика.

Суть в том, что «красное» и «белое» противостояние уходит в глубинные пласты русской истории. Историческая колыбель «белых» – Киевская Русь с ее феодальной вольницей и естественной интегрированностью в семью народов Христова Континента, Европы. (Напомним, кстати, что в азиатские пределы наша территория тогда не заходила. Эх, времечко было!) Была Киевская Русь, образованная и богатая, культурно и технически превосходящая соседей. Узы Гименя, связывающие ее с другими царскими домами, отнюдь не рассыпались с церковным расколом, значение которого в те времена преувеличено сегодня взглядом с большого расстояния. Вторая предшественница «белого» стана в идеологии – Империя, воздвигшаяся под скипетром Романовых, династией, завершившей свою судьбу так, как всякой бы династии стоит завершиться, да не у всякой получается – мученическим венцом, новыми заступниками за русских пред Господом. Империя, вернувшаяся к морям и возобновившая династические родственные узы. Империя, естественно балансирующая между общеевропейской культурой дворянства и традиционной культурой народа. Империя, давшая нам Ломоносова и Суворова, Пушкина и Ушакова.

А что там такое, вклинившееся между ними? Это историческая предшественница «красных», Московская Русь. Невеликая Московия, продукт первой волны варварства –

нашествия татаро-монголов. Обезитившаяся, деградировавшая, утратившая технологии и ремесла, построившая первую домну на 150 лет позже других европейских народов. Живущая за железным занавесом № 1. Вместо естественных династических браков (они же – инструмент регулирования международных отношений) в Москву стали стадами сгонять невест на царские смотрины. Ну а по Сеньке и шапка. Главный герой того времени – Иван Грозный, человекоядец, лицемер и предположительный, заметим, потомок Мама. Случайно, что ли, сегодняшние «имперцы» отмаршировали под лозунгами «новой опричнины»? В каком-то смысле монголо-татар можно назвать первыми коммунистами, если определить их как первую варварско-инородческую экспансию.

Предвижу напоминание, что московская Русь сберегла православие. Что ж, запереться в подвале без окон и сохранить огонь свечи, конечно, лучше, чем сидеть там же, но в темноте. Но именно Романовы свидетельствовали нашу веру перед всем миром.

И нельзя, кстати, забывать о том, что во времена вынужденной изоляции наше православие несколько обросло мхом. Для того чтобы оно вновь воссияло византийским золотом, для того, чтобы вновь пробудилась русская богословская мысль, патриарху Никону пришлось возложить на свои рамена тягчайшее бремя ответственности. И он принял ее во имя вселенской сути православия. Некоторые духовные лица из РПЦ МП поддерживают сегодня «имперцев». Как же им не видно, что Дугины и Карпецы – это троянские коньки, набитые идеологией Аввакума? Духовно «имперцы» уже на платформе старообрядчества, осталось немного. Не случайно же Дугин не всегда способен удержаться от милого словца «никонияне». Эх, товарищи «имперцы» – вы не имперцы, вы – древлемосковиты.

А я, кстати, весьма горжусь тем, что я – никонианка, и пользуюсь случаем сказать, что параллель между Марселем Лефевром и Аввакумом можно провести только по причине чрезвычайной некомпетентности.

Лет несколько тому назад мы с Михаилом Леонтьевым вместе выстраивали историческую преемственность: армия в Чечне – Белая Армия – русская Армия. «Так вперед, голубые уланы, Раздавайтесь, звуки фанфар, Гордо рейте по ветру султаны, Нанесем мы последний удар!» И накладывалась эта старинная полковая песня на современный видеоряд. На что Вы ее поменяли – на новую версию Михалкова-Эль-Регистана? Она ведь чужая вам теперь, романовская Россия, предавшая исконно-посконность и народность с бородой, «никониянская», опять же. Ведь даже Ивана Сусанина Ваши сегодняшние заединщики хотят разжаловать из героев. (Надо думать, что и опера «Жизнь за царя» попадет в индекс. Впрочем, зачем вообще «русскому» человеку опера?)

И при всем при том Дугин кричит, опять же цитирую митинг, что не даст всяким «подонкам» «сузить русского человека». Восторг! Из уникального западно-восточного национального менталитета «имперцы» хотят вырезать ровным счетом половину, а остаток преподнести за целое. Хорошее же у вас, логичные вы мои, «расширение». Что ж, тогда я и есть тот «подонок», который «сужает».

Большевикам было все равно, какими массами человеческого материала управлять – русскими или какими другими, лишь бы массы исправно демонстрировали добровольно-принудительный трудовой энтузиазм. Нынешним «имперцам» тоже безразлично, не исчезнет ли титульная нация под лавой иноплеменной экспансии. Поэтому и закономерную озабоченность общества этой экспансией они провозгласили «этнонационализмом», как будто желание любого народа слышать на своей земле свой язык не является естественным самосохранительным инстинктом.

Пока патриотизм выглядит так, как его проиллюстрировал «Имперский марш», либералы и ненавистники России могут отдыхать. Кто-нибудь задумался над тем, почему А. Проханов (еще один идеолог «Имперского марша») не вылезает из либеральных эфиров, почему он – несменяемый дежурный по оппонированию русофобам? Стоило бы задуматься, между

тем. Вот человек, не определивший еще своей общественно-политической позиции, слушает о том, что шахидки похожи на Зою Космодемьянскую, что бесчинства арабской шпаны под Парижем – это пробуждение «пламенного ислама», который спалит нехорошую бездуховную Европу дотла (то-то радости)... Вопрос: кого же после того выберет вменяемый слушатель – «патриотизм» или любого Немцова с любой Хакамадой?

Так что устроили «имперцы» праздничек либералам на светлое Христово воскресение.

Ох, и противно же смотреть на младней, несущих лозунги «Слава опричнине!». Интересно, знают ли они, какую дрянную боеспособность явили «опричные дружины» в настоящей войне, в отличие от расправ над мирным населением, в коих опричники действительно не знали равных? Опричники мчались убивать безоружных людей – а метлы, притороченные к их седлам рядом с песьими головами, говорили, что они не мчатся, а летят, летят на шабаш. И ваша милая компания еще наезжает на Гарри Поттера?

Первый «Русский марш» у меня, в отличие от многих, не вызвал ни малейшего восторга. Чему радоваться, когда в одном строю прошагали противники глобалистов и противники масонов, противники либералов и противники «кровавого режима» Путина, противники оранжевых и противники красных, православные и «родноверы», противники запада и монархисты, коммунисты, евразийцы и борцы исламской экспансией? И все это разнообразие было припечатано ярлыком – «патриотические силы». По-моему, это шла патриотическая слабость. Время показало, что один пробег «объединенной» колонной – апофеоз подобного сплочения. Но если в патриотических кругах пошла хоть какая-то фильтрация по интересам – быть может, она все же дает повод для осторожного оптимизма?

Если мы не страна самоубийц, призывать дальше к войне мы «имперцам» не можем позволить. Если не позволим, они останутся немогучей кучкой, склонной к маргинализации. А у движения «националистов» есть одно конкретное дело: без насилия и без призывов к нему, соблюдая законность, воспрепятствовать «умме» и «чайнатаунам» превратиться из меньшинств в большинство. Добиться материального поощрения рождения не детей вообще, но детей русскоязычных и русскокультурных. Сумеют ли «националисты» справиться с такой задачей, не сорвутся ли на какую-нибудь войну с сетью «Макдональдс»? Догадаются ли отдать «имперцам» остаток «опричного» и красного балласта? Тогда – будущее за ними, поскольку разумно-патриотические движения потихоньку набирают сейчас силы и в Европе. Это – объективный процесс.

Если начинать с того, чтобы постараться сберечь собственную страну и титульную в ней нацию, как гаранта благополучия всех в ней живущих – остальное приложится. Моя же статья – лишнее доказательство того, что русская история сегодня – минное поле, на котором подорвется любая консолидационная попытка. Поэтому сегодня надо спасать русскую культуру. А русскую культуру можно спасти, только спасая ее носителей – русских людей. И сегодня тот, кто защищает русского крестьянина с его возом картошки от чужого перекупщика – спасает великую русскую культуру. Потому что не жилец она, культура, без тех, кто говорит на ее языке.

Река начинается с ручья, хотя и не равна ручью. Но без первого ручья реки нет – вливаться не во что. Российская империя была многокровой единой нацией, а не конфедерацией меньшинств. Сторонники второго строят свою «империю» на песке.

Возвращение к корням

Страсти, постоянно полыхающие последние годы накануне очередного Русского марша, внимание СМИ и общества к этому событию свидетельствуют о том, что Россия, быть может, с некоторым отставанием, переживает сейчас те же процессы, которые протекают во многих европейских странах. Странного мало, хоть Россия и стоит наособицу от прочих стран христианского генезиса. Поскольку отток от «общечеловеческой» идеологии, возвращение к корням, к ценностям национальным – явление повсеместное и закономерное. Корни у всех разные, но они есть и у роз, и у чертополоха. Тогда как в положении растения под названием «перекати-поле» всяк чувствует себя неуверенно: любой порыв ветра грозит тебя унести неведомо куда. Хотя в течение нескольких десятилетий всем цветочкам пост-христианского садика внушалось, что в землю лезть незачем – она грязная, и в ней водятся страшные червяки.

Но вот кто-то все же решился, выпустил росток вглубь, и как же сделалось хорошо, как спокойно от того, что ты связан, действительно связан с этой странной субстанцией, именуемой **родная земля!**

От бытовых пустяков – возвращения от «Макдональдсов» к капустному салату в Германии и сидру с блинами во Франции – до возрождения патриотических приоритетов в идеологии: процесс идет и остановить его невозможно. Общеввропейский дом начинает пошатываться – как возведенный без фундамента.

В этот дом мы не входим. Однако Россия раньше Западной Европы вошла в область построения домов без фундамента, замков из песка. В 30-е годы минувшего века все «русское» почиталось не просто предосудительным, но в прямом смысле криминальным. Только перспектива неизбежного поражения в войне вынудила коммунистического диктатора допустить, чтобы на экраны кино явились черно-белые тени великих патриотов прошлого. Со всеми тогдашними издержками, интерес к отечественной истории и культуре в те годы возрос практически с пустого места.

Внешняя опасность миновала – и вместо живого национального чувства стал процветать казенный пустой официоз, подделка под патриотизм. Цинизм застойных времен обесценил идею патриотизма окончательно.

Тут-то мы и столкнулись с обитателями Евродома, которые между тем четыре десятилетия трудолюбиво занимались стиранием всех и всяческих граней между датчанами и испанцами, немцами и бельгийцами, а главное – всеми вместе и арабами. И мы восприняли общество тотального Макдональдса как наивысшее достижение человеческой мысли и человеческого духа.

Жильцы Евродома могли себе позволить четыре десятка лет заниматься подобным строительством, поскольку как раз в эти последние четыре десятка лет Западная Европа не воевала. Без патриотизма можно прожить только в условиях полной безопасности, но замечаешь его отсутствие только тогда, когда господин Жареный Петух энергично клонет в затылок.

А поклеивать он уже начал – и опять-таки повсеместно.

Другое дело, что в условиях толерантной цензуры, которую мы частично восприняли в одном флаконе с прочими благами, произошел один пренеприятный процесс. Патриотизм повсеместно втапывался, иного слова не подберешь, в маргинальную нишу. Не будем останавливаться здесь на механизмах, отметим только, что в какой-то мере это удалось.

А теперь мы отчего-то изумляемся, что вокруг «Русского марша» объединяются какие-то бритоголовые, какие-то новые язычники, какие-то неумеренные ревнители этнической чистоты.

А чего мы хотели, друзья дорогие? Не надо было топтать патриотизм ботинками, он бы не был теперь грязноват, коричневат и красноват.

Как говорится, полюбите нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит. Потому что даже в нынешнем своем виде патриотизм, не провальное казенный, а идущий снизу, востребован обществом.

Французское общество долго делало пугало из «Национального фронта» как такового и из Жан-Мари Ле Пена в частности. Поэтому весьма неожиданными явились ошарашившие обывателя итоги президентской гонки. Вчерашний маргинал сделался реальной кандидатурой. И произошло это отнюдь не потому, что все, проголосовавшие за Ле Пена, полностью разделяли его идеи. Просто другого патриотизма, более, что ли, «респектабельного», не было. Между тем, внешняя угроза просматривается. Это исламская экспансия.

Последнее время во Франции произошли существенные перемены. Вышла на общенациональный уровень прежде сугубо региональная организация «Движение за Францию». Раньше она базировалась в консервативной Вандее, где увидеть геральдическую лилию всегда было проще, чем трехцветный флаг. Основал ее виконт Филипп де Вилье (ле Жоли де Вилье де Сентиньон), президент Национального совета Вандеи – самого процветающего из французских регионов, вернее сказать, самого процветшего с помощью своего главы. Это действительно рыцарь без страха и упрека, реальный кандидат в президенты Франции, хотя, безусловно, не на ближайших выборах. Но тихий воз, как известно, будет на горе. Де Вилье – ревностный католик. Вспомним, самые настойчивые упреки по идеологической части, адресованные к Ле Пену, сводились к тому, что «правая мысль не может быть секулярной».

А теперь, заодно, вспомним, кто не может найти общий язык с организаторами «Русского марша»? Правильно, о выходе из оргкомитета «Марша» объявили православные объединения. Представляется, что последние проявили неоправданный пуризм. «Русский марш» никогда не был сугубо православным мероприятием, по той простой причине, что наш народ на сей момент тоже не таков.

Бедный наш народ! Никто не хочет иметь дело с ним настоящим, а не с идеальным! Правители хотят увидеть его «толерантным», с начисто отшибленной «ксенофобией», и делают все, чтобы его под такового выкрасить хоть внешне. Воцерковленные деятели желают общаться с ним только тогда, когда он отбросит неоязыческие погремушки и погрузится в купель. Дорогие вы мои, когда он побывает в купели без вашей помощи, вы ему будете уже не нужны! Работайте с ним сейчас либо не жалуйтесь, что у нас существует «православное гетто».

Спору нет, многие из участников «Марша» еще не осознали тупиковость «этнического» пути. Однако такой перегиб порожден к жизни перегибом противоположным, отрицанием ценности этнического типа как такового. А он ценен, что опять же перестает звучать ересью. Художественная литература и живопись отразили красоту русского человека, определенные типы этой красоты. Никто не может воспрепятствовать любоваться ими как некими образцами.

Этнический тип являет собою ценность, но не может рассматриваться как ценность в пределах правового поля.

Чтобы не возникло ощущения, будто происходящие процессы касаются только России и Франции, приведу два самых свежих случая из английской жизни. Оба они, происшедшие одновременно, показывают, что английское общество пребывает в такой же фрустрации, как и российское. Оба получили широкую огласку в СМИ.

Так, в Лондоне 14-летнюю Коди Скотт арестовали и продержали полдня в камере только за то, что она пожаловалась учительнице на сложность работать над классным заданием в паре с учеником, плохо владеющим английским языком. Интересно, что полицию вызвала... учительница! В участке над девочкой издевались по полной программе: фото-

графировали, снимали отпечатки пальцев, несколько часов допрашивали, сама ли, дескать, додумалась до «мигрантофобии», или кто «вовлек»?

Но в Дьюсбери некая Айше Азми, школьная учительница, проиграла процесс против учебного заведения, обвиненного ею в «религиозной дискриминации». Дирекция просила Азми снимать во время уроков чадру, учительница не пожелала. В ответ ее отстранили от проведения занятий. Напомним, что, в отличие от паранджи, завешивающей все лицо женщины плетеной решеточкой, чадра оставляет открытыми глаза. Щель для глаз, правда, довольно узкая, но все равно, с одной стороны, этот наряд вроде бы более «демократичен». Есть и другая сторона. Паранджа может быть любого цвета, даже вполне веселенького, голубого или золотистого. Чадра же – исключительно черная.

Прежде, чем выдвинуть свой рискованный ультиматум, дирекция долго инспектировала уроки Азми. Вне сомнений, в инспекции принимали участие детские психологи, которые старались взглянуть на происходящее глазами ребенка. Представим: перед ребенком движется огромная (поскольку он мал) черная бесформенная фигура. Лица не видно, только глаза поблескивают из узкой щели. Рта тоже не видно – голос несется ниоткуда. И это лишенное лица существо наделено властью над ним, ставит ему отметки, делает замечания. Детская психика подвержена иррациональным страхам. Они нормальны. Ребенок, ни разу не испугавшийся вешалки в темной прихожей, скорее всего, недоразвит. Читатель, представьте, что это вас, маленького, не доделавшего домашний урок, ежедневно отдают в полную власть такого черного существа! Вам объяснили, конечно, что миссис Азми носит такой фасон одежды, потому что она мусульманка, но вам от того не легче. Вам все равно страшно.

Но и это еще не все. Учитель, так же, как и родитель, является для ученика некоей социальной моделью. Однако, если дома мама бежит в шортах и майке, а в классе шелестит черными одеянками миссис Азми, модели вступают в спор. Кто-то из них не прав. Но кто?

Другое дело, что десять лет назад учительница победоносно выиграла бы суд, дойди до него дело вообще. Директор школы, стиснув зубы, терпел бы ущерб, наносимый детской психике во имя толерантности. А теперь не захотел терпеть.

Конечно, Азми не сдалась без боя. Сделала «заявление для прессы», критиковала не только школу, но вообще правительство, позволяющее таким вот школам стоять на английской земле. И осталась в полнейшем недоумении. Великолепно функционировавший доселе социальный механизм вдруг дал сбой. Она жмет на самую надежную кнопку: «Я знаю свои права». (К слову, эта фраза в среде западноевропейских мигрантов представляется чем-то вроде заклинания, магически парализующего волю грязных кафилов, эдаким «сим-сим-откройся!»). Ну никогда еще эта кнопка не сбила! Надо ли пролезть без очереди, согнать мать с больным ребенком на руках с самого удобного места в электричке (реальный случай, происшедший с моей подругой в Австрии), только скажи волшебное слово – добьешься всего. И вдруг, вместо полного удовлетворения, выпадает ответ: «Права есть не только у вас». Азми в шоке давит на кнопку «расизм» (как указывала известная итальянская журналистка Ориана Фаллачи, ныне, к глубокому сожалению, покойная, мусульмане с успехом пользуются данным, не имеющим никакого отношения к религии термином), уж тут-то срывает. А в ответ выпадает странная штука под названием «интересы детей».

Испугавшись собственной храбрости, суд, правда, присудил Азми 1000 фунтов «за обиду», которые должна заплатить школа. По сути, бред: не права, но обижена. Но сумма небольшая, а вот Азми придется теперь либо мириться в конце концов (еще пара обжалований не в счет) с требованием преподавать по-людски, либо терять работу, на чем она проигрывает куда больше тысячи. Правда, скорее всего, кто-нибудь ее пожалеет и возьмет в чадре.

Но важно уже и то, что пожалели Коди Скотт, ребенка матери-одиночки, простой английской уборщицы. Как же нас все-таки подводит иногда отсутствие воображения! Читатель, представьте хоть на минуту, что это **Вашу** дочь, Катю или Машу, под вопли классного

руководителя тащат в милицию за то, что она не нашла на уроке общего языка с узбеком, обвиняя девочку в «фашизме»!

А именно в **фашизме** и обвинили Коди Скотт. Вообще и у нас вопрос «фашизма» изрядно муссируется либеральными СМИ. Автору этих строк было довольно сложно дать содержательный комментарий по поводу «Русского марша», о котором попросило «Эхо Москвы». Слово «фашизм» выпрыгивало через вопрос, наматывая на себя всю нить разговора. «А что вы скажете о том, что на прошлогоднем „Марше“ замечено присутствие фашистов?» «А не кажутся ли вам фашистскими такие-сякие лозунги?»

Ах, господа либералы! Мне совершенно не нравится фашизм, хотя то, что под этим словом понимают последние 50 лет, уж если на то пошло, скорее «нацизм». «Фашизмом» изначально звалось несколько другое явление. Ну да кому сейчас нужны подобные исторические тонкости, пусть будет «фашизм». Но меня, применительно к российской ситуации, фашизм волнует куда меньше, чем исламский экстремизм. И тому есть весомые причины.

Во-первых, не стоит путать закон с беззаконием. Вокруг чего бы фашисты ни крутились, вокруг «Русского марша» или Масленичных гуляний, а в нашей стране не действует ни одной официально разрешенной фашистской организации – мы, благодарение Богу, не Латвия.

Между тем, под благопристойными религиозными ярлыками в России легально действуют многие экстремистские исламские организации.

Предвижу возражение – а, может быть, фашистские организации тоже благополучно существуют, замаскированные под что-нибудь другое? Даю фору, условно принимаю это как факт.

Но тут есть и во-вторых. **Ни одна из таких организаций не финансируется чужими государствами.**

Ну нет в мире такой силы, которая была бы заинтересована в развитии фашизма в России. Нет, и все.

Фашистская организация, между тем, может встать на ноги только двумя путями:

- 1) Если она разрешена легально, как было в Германии.
- 2) Если ее финансируют извне.

Третьего не дано. А нужно ли говорить о том, что внешних сил, заинтересованных в исламизации России, хватает? Причем это очень не бедные внешние силы.

Фашизм в России – маргинален, и ему не выйти из маргинальной ниши. Но также и не исчезнуть ему совсем. Он будет, как будут у нас карманники, домушники и педофилы. Мы живем в довольно несовершенном мире.

У национального же движения, столь неоднородного сегодня, два пути. Лидирующие в нем организации могут стать более респектабельными, избавившись от неоязыческих, фашистских, коммунистических и прочих сомнительных наслоений. Если же не сумеют, их сменят другие, подобно тому, как движение «За Францию» Филиппа де Вилье сменяет сейчас «Национальный фронт» Жан-Мари Ле Пена. Но это – сценарии завтрашнего дня.

Десятые сутки пылает столица

Пока еще – не наша, писала я пару лет назад, наблюдая по телевизору за событиями в столице Франции. Мы – пока еще живы-здоровы, думала я, и наблюдаем свое будущее сквозь магический кристалл телеэкрана... Кристалл, надо сказать, мутноватый, иначе говоря – политкорректный. В нем же мы видим наши собственные события, празднование вновь обретенного праздника, например. Славный бы получился праздник, когда б прошел без странного перекоса. С подачи наших СМИ фактически получается, что праздновали мы объединение православных и мусульман. Но ведь есть еще, прости меня, Господи, на нашей православно-мусульманской (или уже наоборот – мусульманско-православной?) земле иудеи, которые тоже празднуют, но их, похоже, у нас чрезвычайно мало. Что же касается католиков, протестантов и ламаистов, то таковых в нашем Отечестве, видимо, нет вообще. Нет, я, конечно, понимаю, что католикам особо праздновать как бы и нечего, но, господа государственные деятели, неужто вы, такие политкорректные, согласились ввести праздник, столь вопиюще нетолерантный по отношению к нашим согражданам католического вероисповедания? Или политкорректность – это такая штука, которая относится только к тем, кого надо всячески задабривать?

Да, похоже, лишь к ним она и относится, только вот именно применительно к ним не может дать никакого положительного результата. Французам предстоит еще в том убедиться. Пока что они этого не поняли (не станем похваться умом, не настолько мы и умнее). Итак, покуда французские горожане вооружались, чтобы защитить своих жен и детей, власти нашли блистательное решение проблемы: надо увеличить социалку. Красота! «Я не знаю, сколько арабов кормлю из своего кармана», – говорил мне летом того года один из моих французских читателей. Можно не сомневаться, как минимум еще один араб к его карману добавился. Ведь увеличивать социалку можно только из кармана налогоплательщиков. А почему бы нет? Мой читатель-юрист ведь не пойдет поджигать автомобили, не пойдут моя подруга-библиотекарь с мужем-чиновником. Значит – вычитаем из них, чтобы дать тем, кто пойдет. Социалка будет увеличена.

Надо быть действительно очень политкорректным общечеловеком, чтобы всерьез решить, что бунтующая «молодежь» скажет за это спасибо. Юные арабы поняли одно – у них вышло. Власть продемонстрировала паралич воли, поджоги конвертировались для преступников в материальные блага. Через неделю-другую генеральная репетиция была завершена. Премьера, надо думать, пройдет великолепно.

Мы же во время французских событий слушали отовсюду об «этническом татарине» Козьме Минине. Я ни в коей мере не стану чтить Козьму Минина меньше, если он в самом деле этнический татарин. Но это я, для меня несть во Христе ни эллина, ни иудея, ни этнического татарина. Вот только не стоит забывать, что, с точки зрения муфтия Р. Гайнутдина, Козьма Минин – «позор» татарской нации, ибо он, вне всякого сомнения, «женился на русской и крестил своих детей». Или с точки зрения г-на Гайнутдина то, что является «позором» для сегодняшних этнических татар, становится добродетелью для этнических татар прошлого?

То, что должно было стать праздником титульной нации и титульной религии (как говорится, кто хочет – гуляй с нами!) обернулось не пойми чем. Рано нам еще устанавливать праздники. Мы еще не установили порядка в собственных головах. Наши телеведущие, вслед за французскими, твердят: «СПАСАЯСЬ от полиции, подростки укрылись в трансформаторной будке». Между тем, спастись можно только от разбойников, от полиции УКРЫВАЮТСЯ, что является нарушением закона само по себе.

Мы действительно можем еще устроить у себя то, чего уже не способна сделать Западная Европа. Мы можем установить баланс между нами и нашими согражданами мусульманского вероисповедания. Но не путем тотальных уступок, не путем возведения в Православной Москве минаретов, превышающих высоту колокольни Ивана Великого.

«Полумесячный» поход

Около двух недель после кончины Иоанна Павла II католический мир не знал, как охарактеризовать его понтификат – консервативный он был или либеральный? И кем же был сам покойный папа – консерватором или либералом?

Пикантность ситуации в том, что ответить на этот вопрос объективно было невозможно. Ответ мог обозначиться только по результату конклава. Окажись на святом престоле кардинал Люстиже, покойный автоматически угодил бы в консерваторы. Сторонники таких завоеваний протестантизма, как женское священство и гомосексуальные церковные браки, преисполнились бы самых радужных надежд: наконец-то у руля встал человек, при котором реформы пойдут полным ходом! Но прошел Рацингер, в силу чего Иоанн Павел II оказался посмертным либералом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.